Милые обманщицы

Автор:
Сара Шепард

Милые обманщицы

Сара Шепард

Милые обманщицы #1

Самые популярные девушки элитной школы Роузвуда – Элисон, Ария, Спенсер, Ханна и Эмили всегда проводили все свободное время вместе. Но день исчезновения королевы их группы Элисон стал последним днем их дружбы. Три года спустя жизни девушек вновь пересекаются; каждую из них начинают преследовать анонимные сообщения, подписанные всего одной буквой «Э». В своих посланиях незнакомец угрожает раскрыть все их секреты, включая те, о которых знала только Эли-сон… и те, о которых не мог знать вообще никто!

Сара Шепард

Милые обманщицы

Посвящаю Джей С. У.

Трое могут сохранить секрет, если двое из них мертвы.

Бенджамин Франклин

© 2006 by Alloy Entertainment and Sara Shepard

© Key Artwork © 2015 Warner Bros. Entertainment Inc. All Rights Reserved.

© И. Литвинова, перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Как все начиналось

Представь себе, что все это происходит пару лет назад, летом, между седьмым и восьмым классами. Ты хорошо загорела, нежась под солнцем в патио у бассейна, на тебе новый спортивный костюм от «Джуси» (помнишь, тогда все носили такие?), и твои мысли заняты парнем из подготовительной школы[1 - Дорогостоящая частная школа по подготовке абитуриентов к поступлению в колледж, особенно престижный. – Здесь и далее, если не оговорено иное, прим. переводчика.] – не важно, как его зовут, но он не вылезает из магазина «Аберкромби» в молле. Ты уплетаешь рисовые хлопья «Кокоа криспиз», заливая их обезжиренным молоком, как ты любишь, и тебе на глаза попадается фотография девушки с этикетки на бутылке молока. ПРОПАЛА БЕЗ ВЕСТИ. Девушка симпатичная – может, даже симпатичнее тебя, – и взгляд у нее дерзкий. Хм, наверное, тоже любит размоченные рисовые хлопья, думаешь ты. И, наверное, тоже не устояла бы перед тем парнем из «Аберкромби». Интересно, как могло получиться, что самая обычная девчонка, такая же, как и ты, вдруг пропала без вести? Тебе всегда казалось, что только с конкурса красоты можно попасть на этикетку молочной бутылки.

Как бы не так.

Ария Монтгомери уткнулась лицом в мягкую траву лужайки перед домом своей лучшей подруги Элисон ДиЛаурентис.

– М-м, вкусно, – пробормотала она.

– Ты что, траву нюхаешь? – окликнула ее сзади Эмили Филдс, захлопывая длинной веснушчатой рукой дверцу маминого универсала «Вольво».

– Хорошо пахнет. – Ария смахнула с лица розовые пряди волос и вдохнула теплый предвечерний воздух. – Летом.

Эмили помахала матери и подтянула скучные джинсы, болтавшиеся на ее поджарых бедрах. Эмили профессионально занималась плаванием и, хотя выглядела сногсшибательно в спортивном купальнике «Спидо», никогда не носила ничего облегающего или соблазнительного, как остальные девчонки из их класса. Это все из-за родителей, которые утверждали, что характер формируется изнутри. (Впрочем, сама Эмили была уверена, что ее характеру явно не на пользу то, что она вынуждена прятать короткую маечку с надписью «ИРЛАНДСКИЕ ДЕВУШКИ ДЕЛАЮТ ЭТО ЛУЧШЕ» на дне своего ящика с нижним бельем.)

– Эй, народ! – Во двор выскочила Элисон – с растрепанным конским хвостом, в короткой клетчатой юбке хоккеистки. Она так и не переоделась после сегодняшней тусовки по случаю окончания сезона. Элисон была единственной семиклассницей в молодежной сборной по хоккею на траве, и домой ее обычно подвозили девчонки из старших классов на своих джипах «Чероки» под оглушительный рев Джей-Зи[2 - Шон Кори Картер (1969 г. р.), более известный как JAY Z (Джей-Зи) – американский рэпер, 13 его альбомов отметились на вершине Billboard 200.]. Прежде чем высадить Элисон, они опрыскивали ее духами, чтобы от нее не пахло сигаретами, которые они курили по дороге.

– Что я пропустила? – крикнула Спенсер Хастингс, пролезая сквозь просвет в живой изгороди, чтобы присоединиться к ним. Спенсер жила по соседству с Эли. Она перебросила через плечо длинные гладкие темно-русые волосы, собранные в конский хвост, и глотнула из фиолетовой бутылочки «Налджин»[3 - Бутылка-фляга из высокопрочного пластика с широким горлышком.]. Спенсер не пробилась в хоккейную сборную вместе с Эли, так что ей пришлось играть за команду седьмого класса. Вот уже год она усиленно тренировалась, совершенствуя мастерство, и девчонки знали, что до их приезда она оттачивала дриблинг на заднем дворе своего дома. Спенсер ненавидела проигрывать, ненавидела, когда кто-то оказывался лучше ее. Особенно если это была Элисон.

– Меня подождите!

Они повернули головы и увидели Ханну Марин, которая выбиралась из «Мерседеса» своей мамочки. Споткнувшись о безразмерную сумку, она отчаянно замахала пухлыми ручками, пытаясь удержать равновесие. С тех пор как

родители Ханны развелись в прошлом году, она уверенно прибавляла в весе, вырастая из своей старой одежды. И, хотя Эли закатила глаза, остальные девочки сделали вид, что ничего не заметили. Ведь так поступают лучшие подруги?

Элисон, Ария, Спенсер, Эмили и Ханна сдружились в прошлом году, когда родители отправили их работать по субботам волонтерами благотворительной организации школы Роузвуда – ну, всех, кроме Спенсер, которая вызвалась сама. Трудно сказать, знала ли прежде Элисон об остальных четырех девочках, но эти четверо знали о ней достаточно много. Она была самим совершенством. Красивая, остроумная, находчивая. Популярная. Мальчишки все как один хотели поцеловать Элисон, а девчонки – даже те, кто постарше, – хотели быть такой, как она. И когда Эли впервые рассмеялась одной из шуток Арии, спросила у Эмили про плавание, похвалила блузку Ханны и заметила, что почерк у Спенсер гораздо аккуратнее, чем у нее, все четверо… попали под чары ее обаяния. До знакомства с Эли они чувствовали себя словно мамины джинсы со стрелками и завышенной талией – нелепыми и примечательными лишь своими недостатками; но Эли заставила их почувствовать себя безупречно сидящими джинсами от Стеллы Маккартни, которые мало кто мог себе позволить.

И вот теперь, больше года спустя, в последний день седьмого класса, они были не просто лучшими подругами, они были королевами дневной школы Роузвуда. Много чего произошло на пути к этому признанию. Каждая вечеринка с ночевкой, каждый пикник становились для них новым приключением. Даже посиделки в классе превращались в запоминающееся событие, когда они собирались вместе. (Вспомнить только, как они зачитали в эфире школьного радио любовную записку капитана спортивной команды старшекласснице, которая подтягивала его по математике; теперь это уже стало легендой роузвудской школы). На их совести было и кое-что еще, о чем они все предпочли бы забыть. Был один секрет, о котором они боялись говорить даже между собой. Эли уверяла, что только секреты и скрепляют дружбу на века. Если это было правдой, то им суждено было дружить до конца жизни.

– Я так рада, что этот день закончился, – простонала Элисон, подталкивая Спенсер к лазу в живой изгороди. – Пошли в твой амбар.

– Какое счастье, что седьмой класс позади, – сказала Ария, вместе с Эмили и Ханной направляясь следом за Элисон и Спенсер к переоборудованному в гостевой домик амбару, где жила старшая сестра Спенсер, Мелисса, пока

училась в старших классах. К счастью, она только что закончила учебу и этим летом уезжала в Прагу, так что домик на всю ночь был в полном их распоряжении.

Вдруг они услышали омерзительно писклявый голос:

– Элисон! Привет, Элисон! Привет, Спенсер!

Элисон повернула голову в сторону улицы.

– Чур меня, – прошептала она.

– Чур, – вслед за ней быстро произнесли Спенсер, Эмили и Ария.

Ханна нахмурилась:

– Черт.

Эту игру Эли позаимствовала у своего брата, Джейсона, который учился в выпускном классе школы Роузвуда. Джейсон и его приятели играли в нее на вечеринках, когда снимали девчонок. Тот, кто последним произносил «чур меня», должен был всю ночь развлекать самую страшную девицу, в то время как его друзьям доставались ее красавицы подруги. Короче, опоздавшего признавали таким же убогим и малопривлекательным. По версии Эли, клеймо «чур меня» ставили лузерам и прочим отстойным персонажам.

На этот раз «чур меня» предназначалось Моне Вондервол – зануде, которая жила на той же улице и все пыталась подружиться со Спенсер и Элисон, – и ее шизанутым подружкам, Чесси Бледсоу и Фи Темплтон. Чесси прославилась тем, что взломала школьную компьютерную систему, а потом посоветовала директору, какую защиту лучше поставить, а Фи Темплтон не расставалась со своей игрушкой йо-йо[4 - Йо-йо – игрушка, состоящая из двух одинаковых по размеру и весу дисков, скрепленных между собой осью, на которую веревка надевается петелькой.] – пожалуй, этим все сказано. И вот теперь эта троица уставилась на девочек, остановившись посреди тихой загородной дороги. Мона сидела на своем скутере «Рейзор», Чесси – на черном горном велосипеде, а Фи передвигалась пешком – разумеется, с йо-йо.

– Не хотите пойти с нами посмотреть «Фактор страха»? – крикнула Мона.

– Извини, – притворно улыбнулась Элисон. – Мы вроде как заняты.

Чесси нахмурилась:

– Разве вам не интересно посмотреть, как они едят жуков?

– Фу, гадость какая! – шепнула Спенсер Арии, которая, притворившись мартышкой, сняла невидимую вошь с головы Ханны и начала ее смаковать.

– Да, жаль, что мы не сможем посмотреть. – Элисон склонила голову набок. – Просто мы давно запланировали эту ночевку. Но может, в другой раз?

Мона бросила тоскливый взгляд на обочину.

– Ладно.

– Пока. – Элисон отвернулась, закатывая глаза, и подруги последовали ее примеру.

Они прошли через заднюю калитку во двор дома Спенсер. Слева от них остался задний двор дома Элисон, где ее родители строили огромную, на двадцать мест, беседку для своих роскошных пикников.

– Слава богу, рабочие свалили, – сказала Эли, покосившись на желтый бульдозер.

Эмили застыла.

– Они что, опять говорили тебе всякие гнусности?

– Полегче, Киллер, – сказала Элисон. Остальные захихикали. Иногда они называли Эмили «Киллером», как личного питбуля Эли. Когда-то Эмили находила это забавным, но в последнее время уже не смеялась вместе со всеми.

Амбар был прямо перед ними. Это был скромный уютный домик с большим окном, откуда открывался вид на огромную и бестолковую ферму родителей Спенсер, где имелась даже собственная ветряная мельница. Здесь, в Роузвуде, этом маленьком пригороде Филадельфии, штат Пенсильвания, жители предпочитали селиться не в типовых макособняках[5 - Частный дом огромных размеров, который выглядит вызывающе на фоне соседних домов (от англ. McDonalds).], а в фермерских домах из двадцати пяти комнат, с бассейном, выложенным мозаикой, и джакузи на открытом воздухе, как у Спенсер. В Роузвуде пахло сиренью и скошенной травой летом, чистым снегом и дровяными печами зимой. Он утопал в пышных сосновых рощах, которые чередовались с бескрайними полями и простоватыми фермами, где водились самые симпатичные лисы и кролики. Городок славился отменным шопингом, особняками в колониальном стиле, парками, где можно было отмечать дни рождения, выпускные, устраивать праздники по любому поводу и на любой вкус. А уж парни Роузвуда были просто неотразимы в своей пышущей здоровьем красоте, как будто сошли со страниц модного каталога «Аберкромби». В Роузвуде жил цвет Филадельфии. Это была обитель потомственной аристократии, «старых денег» и древних как мир скандалов.

Приближаясь к амбару, девочки услышали доносившееся оттуда хихиканье. Кто-то взвизгнул:

– Я же сказала, прекрати!

– О боже, – застонала Спенсер. – Что она здесь делает?

Заглянув в замочную скважину, Спенсер смогла разглядеть Мелиссу, свою чопорную и лучшую во всем старшую сестру, которая возилась на диване с красавчиком бойфрендом Йеном Томасом. Спенсер пнула дверь ногой, распахивая ее настежь. В амбаре пахло мхом и слегка подгоревшим попкорном. Мелисса резко повернулась.

– Какого чер?.. – вырвалось у нее. Тут она заметила, что Спенсер не одна, и улыбнулась. – О, привет, девчонки.

Девочки уставились на Спенсер. Она постоянно жаловалась на Мелиссу, называя ее злобной стервой; тем сильней они удивились, когда Мелисса оказалась такой милой и приветливой.

Йен встал с дивана, потянулся и с ухмылкой посмотрел на Спенсер.

– Привет.

– Здравствуй, Йен, – откликнулась Спенсер, и ее голос заметно смягчился. – Я не знала, что вы здесь.

– Еще как знала, – игриво улыбнулся Йен. – Ты ведь шпионила за нами.

Мелисса пригладила свои длинные светлые волосы и поправила черную шелковую повязку, не отрывая глаз от сестры.

– Ну, и в чем дело? – с легкой укоризной произнесла она.

– Да нет… просто… я не хотела вам мешать… – промямлила Спенсер. – Но мы хотели устроить здесь ночевку.

Йен шутя шлепнул Спенсер по руке.

– Я тоже не прочь порезвиться с вами, – поддразнил он.

Краска медленно заливала ее шею. С взъерошенными волосами цвета песка, светло-карими глазами с поволокой и совершенно убойным прессом Йен мог вогнать в краску любую девчонку.

– Вау, – нарочито громко произнесла Эли. Все разом повернули к ней головы. – Мелисса, а вы с Йеном здорово смотритесь. Я никогда тебе этого не говорила, но, поверь, всегда так думала. Ты согласна, Спенс?

Спенсер на мгновение прикрыла глаза.

– Хм, – тихо произнесла она.

Мелисса в недоумении уставилась на Эли, потом перевела взгляд на Йена.

– Выйдем, мне надо сказать тебе кое-что.

Йен залпом допил пиво, пока девчонки, разинув рты, смотрели на него. Сами они осмеливались лишь тайком прикасаться к алкоголю из родительских запасов. Йен отставил пустую бутылку и, одарив их прощальной улыбкой, последовал за Мелиссой на улицу.

– Adieu,[6 - Прощайте (фр.)] юные леди. – Он подмигнул им, закрывая за собой дверь.

Элисон удовлетворенно потерла руки.

– Ну, вот, еще одна проблема решена великой Эли Д. Теперь-то ты скажешь мне спасибо, Спенс?

Спенсер не ответила. Она пристально смотрела в окно, увлеченно что-то разглядывая. Жуки-светлячки уже посверкивали на фоне багряного неба.

Ханна подошла к брошенной миске с попкорном и зачерпнула горсть.

– Йен такой классный. Даже круче Шона. – Шон Эккард, один из самых популярных парней в их классе, давно был объектом романтических фантазий Ханны.

– Знаете, что я слышала? – спросила Эли, плюхаясь на диван. – Шону нравятся девушки с отменным аппетитом.

Ханна просияла:

– Что, серьезно?

– Нет, – фыркнула Элисон.

Ханна медленно высыпала горсть попкорна обратно в миску.

– Так вот, девчонки, – продолжила Эли, – я знаю, чем мы займемся.

– Надеюсь, мы больше не будем бегать нагишом. – Эмили хихикнула. Они устроили такую пробежку месяц назад – в собачий холод, – и, хотя Ханна отказалась снимать майку и трусики из «недельки», остальные бежали через соседское кукурузное поле в чем мать родила.

– Тебе особенно понравилось, – пробормотала Эли. Улыбка померкла на губах Эмили. – Но нет, на последний день школы я припасла кое-что особенное. Послушайте, я освоила гипноз.

– Гипноз? – повторила Спенсер.

– Сестра Мэтта научила, – ответила Эли, разглядывая фотографию Мелиссы и Йена, которая стояла в рамке на каминной полке. У Мэтта, ее бойфренда недели, были такие же песочные волосы, как у Йена.

– И как ты это делаешь? – спросила Ханна.

– Мне очень жаль, но она взяла с меня клятву, что я не проболтаюсь, – ответила Эли, поворачиваясь к ним. – Хотите посмотреть, как это работает?

Ария нахмурилась, присаживаясь на напольную подушку цвета лаванды.

– Я не знаю…

– Почему бы нет? – Взгляд Эли скользнул к плюшевой свинке-марионетке, что выглядывала из фиолетовой вязаной сумки Арии. Ария всегда носила с собой странные вещи – плюшевые игрушки, случайные страницы, вырванные из старых романов, почтовые открытки с видами мест, где она никогда не бывала.

– Разве гипноз не заставляет произносить вслух то, о чем тебе не хочется говорить? – спросила Ария.

– А у тебя есть от нас секреты? – парировала Эли. – И зачем тебе это чучело? – Она показала на игрушку.

Ария пожала плечами и достала из сумки марионетку.

– Мне ее папа привез из Германии. Хрюша – моя советчица в любви. – Она надела марионетку на руку.

– Ты запихнула руку прямо ей в задницу! – взвизгнула Эли, а Эмили захихикала. – И с какой стати ты таскаешь с собой подарки отца?

– Не смешно, – огрызнулась Ария и, обернувшись, в упор уставилась на Эмили.

Все затихли, растерянно переглядываясь. В последнее время такое происходило частенько: кто-то мог ляпнуть что-нибудь обидное – обычно это была Эли, – а остальные стеснялись спросить, в чем дело.

Спенсер нарушила молчание.

– Гипноз – это что-то вроде розыгрыша, разве нет?

– Не говори о том, чего не знаешь, – тотчас одернула ее Элисон. – Давайте попробуем. Я загипнотизирую вас всех и сразу.

Спенсер вцепилась в пояс юбки. Эмили выдохнула сквозь зубы. Ария и Ханна обменялись выразительными взглядами. Эли была неутомимой выдумщицей и всегда подбивала их на что-то необычное. Скажем, прошлым летом они курили семена одуванчика, проверяя их на галлюциногенный эффект, а осенью купались в пруду Пекс, хотя незадолго до этого там обнаружили утопленника. Но самое интересное, что чаще всего они не хотели делать то, что заставляла их делать Элисон. Все они до смерти обожали Эли, но порой так же и ненавидели – за командирский тон и магическую власть над ними. Иногда в присутствии Эли у них пропадало ощущение реальности. Они чувствовали себя теми же марионетками в руках кукловода – разумеется, Эли. Каждая из них втайне мечтала о том, что когда-нибудь у нее хватит сил сказать Эли «нет».

– Пожа-а-а-алуйста! – протянула Эли. – Эмили, ты ведь хочешь попробовать, верно?

– Э-э… – Голос Эмили дрогнул. – Ну…

– Я согласна, – выпалила Ханна.

– Я тоже, – тотчас откликнулась Эмили.

Спенсер и Ария неохотно кивнули. Довольная, Элисон щелкнула выключателем, погасив свет, и зажгла стоявшие на журнальном столике ритуальные свечи с ароматом сладкой ванили. Потом повернулась ко всем спиной и стала что-то напевать.

– Так, а сейчас всем расслабиться, – нараспев произнесла она, и девочки расселись в круг на ковре. – Ваше сердцебиение замедляется. Думайте о чем-нибудь приятном. Я буду вести обратный отсчет от ста, и, как только прикоснусь к каждой из вас, вы будете в моей власти.

– Жутковато. – Эмили нервно рассмеялась.

Элисон начала считать.

– Сто… девяносто девять… девяносто восемь…

Двадцать два…

Одиннадцать…

Пять…

Четыре…

Три…

Она коснулась лба Арии подушечкой большого пальца. Спенсер выпрямила скрещенные ноги. Ария судорожно дернула левой ступней.

– Два… – Она медленно коснулась Ханны, потом Эмили, после чего подошла к Спенсер. – Один.

Не успела Элисон дотронуться до нее, как Спенсер открыла глаза. И тут же вскочила, бросившись к окну.

– Что ты делаешь? – прошептала Эли. – Ты же разрушаешь магию момента.

– Здесь очень темно. – Спенсер отдернула шторы.

– Нет. – Элисон сникла. – Так и должно быть. Гипноз работает только в темноте.

– Да ладно, не выдумывай. – Жалюзи застряли, и Спенсер, бурча себе под нос, пыталась с ними справиться.

– Не спорь.

Спенсер уперла руки в боки.

– Я хочу, чтобы было светлее. Может быть, всем этого хочется.

Элисон обвела взглядом остальных. Девочки послушно сидели с закрытыми глазами.

– Знаешь, не всегда все должно быть по-твоему, – не унималась Спенсер.

Элисон хохотнула.

– Задерни шторы!

Спенсер закатила глаза.

– О боже, прими что-нибудь успокоительное.

– Ты считаешь, это мне требуется успокоительное? – возмутилась Элисон.

Какое-то время они буравили друг друга взглядами. Это была одна из тех нелепых стычек, которые обычно вспыхивали на ровном месте, когда они начинали спорить о том, кто первым увидел новое платье поло от «Лакост» в универмаге «Нейман Маркус» и насколько вульгарно смотрится медовое мелирование, но сейчас все выглядело гораздо серьезнее. Как будто на кону стояло нечто большее.

Наконец Спенсер указала на дверь:

– Уходи.

– Отлично. – Элисон стремительно выскочила на улицу.

– Вот и хорошо! – Но уже через пару секунд Спенсер бросилась следом за ней. Вечерний воздух был неподвижен, и в большом доме еще не включали свет. Кругом разливалась тишина, даже сверчки молчали, и Спенсер слышала собственное дыхание. – Постой! – воскликнула она, хлопая дверью. – Элисон!

Но Элисон как сквозь землю провалилась.

* * *

Услышав, как хлопнула дверь, Ария открыла глаза.

– Эли? – позвала она. – Девчонки? – Ответа не последовало.

Она огляделась по сторонам. Ханна и Эмили сидели комочками на ковре, и дверь была приоткрыта. Ария вышла на крыльцо. Никого. Она на цыпочках подошла к владениям Эли. Прямо перед ней простирался лес, пугая зловещей тишиной.

– Эли? – прошептала она. Ни звука в ответ. – Спенсер?

Оставшиеся в амбаре Ханна и Эмили протирали глаза.

– Мне приснился самый странный сон, – сказала Эмили. – То есть, наверное, это был сон. Просто все произошло так быстро. Элисон упала в глубокий колодец, и там были какие-то гигантские растения.

– Мне тоже это приснилось! – воскликнула Ханна.

– Ты серьезно? – спросила Эмили.

Ханна кивнула:

– Вроде бы да. Там, в колодце, было какое-то высокое растение. И, кажется, я видела Элисон. Возможно, лишь ее тень, но определенно я видела ее.

– Ничего себе, – прошептала Эмили. Они замерли, глядя друг на друга широко раскрытыми глазами.

– Девчонки? – Ария зашла в дверь. Она выглядела очень бледной.

– Ты в порядке? – спросила Эмили.

– Где Элисон? – Ария наморщила лоб. – И Спенсер?

– Мы не знаем, – сказала Ханна.

И тут вбежала Спенсер. От неожиданности все аж подпрыгнули.

– Что? – спросила она.

– Где Эли? – тихо спросила Ханна.

– Я не знаю, – прошептала Спенсер. – Я думала… я не знаю.

Девушки замолчали. Тишину нарушали лишь звуки скребущихся по стеклу веток. И казалось, будто кто-то царапает тарелку длинными ногтями.

– Пожалуй, я пойду домой, – сказала Эмили.

* * *

Но и к утру Элисон не объявилась.

Девушки созвонились, только теперь это был телефонный разговор вчетвером, а не впятером, как обычно.

– Вы думаете, она обиделась на нас? – спросила Ханна. – Она весь вечер была какая-то странная.

– Наверное, она у Кейти, – сказала Спенсер. Кейти была одной из подружек Эли по хоккейной команде.

– А может, она у Тиффани – той, что из спортивного лагеря? – предположила Ария.

– Я уверена, что она где-то развлекается, – тихо произнесла Эмили.

Все они по очереди получили звонки от миссис ДиЛаурентис, которая тоже разыскивала Эли. Поначалу девушки дружно прикрывали подругу. Это было неписаное правило: они выгораживали Эмили, когда та нарушила комендантский час, установленный родителями, и прокралась домой после одиннадцати вечера; они состряпали алиби для Спенсер, которая одолжила у Мелиссы дафлкот[7 - Однобортное пальто прямого силуэта длиной три четверти из плотной шерстяной ткани с капюшоном. Эта модель классического пальто с капюшоном выпускается с 1890 года.] от Ральфа Лорена и по рассеянности забыла его в электричке СЕПТА[8 - Система общественного транспорта в Филадельфии, включает автобусный транспорт, метро, пригородные поезда и трамваи.]; да мало ли было таких случаев. Но после разговора с миссис ДиЛаурентис у каждой из них остался неприятный осадок, и в душе зрело тяжелое чувство. Что-то явно было не так.

После обеда миссис ДиЛаурентис позвонила снова, теперь уже в панике. К вечеру родители Элисон обратились в полицию, и на следующее утро аккуратную лужайку перед их домом заполонили полицейские автомобили и фургоны новостных агентств. Для местного телеканала это был информационный повод, сравнимый с эротическим сном: красивая девушка из богатой семьи бесследно пропала в одном из самых безопасных и респектабельных городов страны.

Ханна позвонила Эмили после просмотра первого вечернего репортажа об исчезновении Эли.

– Тебя сегодня допрашивала полиция?

– Да, – прошептала Эмили.

– Меня тоже. Ты ведь не рассказала им… – Она выдержала паузу. – О том, что случилось с Дженной? Надеюсь, нет?

– Нет! – ахнула Эмили. – Но почему ты вдруг вспомнила? Думаешь, они что-то знают?

– Нет… вряд ли, – прошептала Ханна после паузы. – Мы единственные, кто знает. Мы четверо… и Элисон.

Полиция действительно опрашивала девушек – как и практически всех жителей Роузвуда, начиная с тренера по гимнастике, у которого занималась Эли во втором классе, и заканчивая парнем, который однажды продал ей пачку «Мальборо» в гастрономе «Вава». Это было лето перед восьмым классом, когда девчонкам следовало флиртовать с взрослыми парнями на вечеринках у бассейна, уминать кукурузу в початках на заднем дворе, днями напролет заниматься шопингом в молле «Кинг Джеймс». Вместо этого они рыдали в одиночку под балдахинами своих кроватей или тупо таращились на увешанные фотографиями стены. Спенсер с головой ушла в генеральную уборку, мысленно пытаясь разобраться, из-за чего, собственно, они с Эли повздорили, и вспоминая то, что знала об Эли только она и больше никто. Ханна часами сидела на полу в своей спальне, пряча под матрасом пустые пакетики из-под чипсов. Эмили все никак не могла забыть то письмо, которое она послала Эли незадолго до ее исчезновения. Получила ли его Эли? Ария сидела за письменным столом со своей Хрюшей. Постепенно девочки стали созваниваться все реже. Всех четверых преследовали одни и те же мысли, но им больше нечего было сказать друг другу.

Лето плавно перешло в учебный год, который сменился очередным летом. И опять без Эли. Полиция продолжала поиски, но уже без прежнего рвения. Пресса и телевидение потеряли интерес к этому делу, переключившись на тройное убийство в одном из центральных городов. Даже ДиЛаурентисы переехали из Роузвуда спустя почти два с половиной года после того, как пропала Элисон. Что же до Спенсер, Арии, Эмили и Ханны, то и в них что-то изменилось. Теперь, когда они проходили мимо бывшего дома Эли, душа не разрывалась от боли и немого крика. Теперь они испытывали совсем другое чувство.

Облегчение.

Да, конечно, Элисон была Элисон. Она была жилеткой, в которую можно было поплакаться; только ее можно было попросить позвонить объекту твоей страсти, чтобы выяснить, как он к тебе относится; и за ней оставалось последнее слово в споре о том, насколько огромной выглядит твоя задница в новых джинсах. Но девчонки и боялись ее. Эли знала о них больше, чем кто-либо другой, в том числе и то дурное, что им самим хотелось бы похоронить, как труп. Мысль о том, что Эли, возможно, нет в живых, была ужасна и отвратительна, но… если Эли действительно была мертва, их секретам ничто не угрожало.

И так оно и было. Во всяком случае, на протяжении трех лет.

1. Апельсины, персики и лайм – господи, спасай!

– Кто-то наконец купил дом ДиЛаурентисов, – сказала мама Эмили Филдс. Была суббота, и миссис Филдс, водрузив на нос бифокальные очки, разбиралась со счетами за кухонным столом.

Эмили почувствовала, как ванильная кола, которую она пила, ударила в нос пузырьками.

– Кажется, туда въехала девушка твоего возраста, – продолжала миссис Филдс. – Я как раз собиралась занести ей сегодня эту корзину. Может, ты вместо меня сходишь? – Она показала на упакованного в целлофан монстра на кухонном островке.

– О боже, мама, нет, – застонала Эмили. В прошлом году мама Эмили, учительница начальной школы, вышла на пенсию и с тех пор стала неофициальным агентом «Велкам Вагон»[9 - Организация, помогающая иммигрантам или переселенцам устроиться на новом месте; сотрудники организации рассказывают новоприбывшим о районе, вручают подарки, образцы товаров, продающихся в местных магазинах.] Роузвуда, штат Пенсильвания. Она собирала всякую всячину – сухофрукты, какие-то резиновые уплотнители для банок, керамических цыплят (мама Эмили была помешана на цыплятах),

путеводители по местным гостиницам и кучу другого барахла, – и упаковывала все это в большую плетеную корзину, которую вручала новоселам. Она была типичной провинциальной домохозяйкой, только без внедорожника. Миссис Филдс считала, что эти показушные вездеходы только бензин жрут, поэтому предпочитала «ах-какой-практичный» универсал «Вольво».

Миссис Филдс встала и подошла к Эмили, пробежав пальцами по выбеленным хлоркой бассейна волосам дочери.

– Тебя это очень расстроит, если ты туда сходишь, милая? Может быть, мне лучше отправить Кэролайн?

Эмили взглянула на свою сестру Кэролайн, которая была на год ее старше. Та уютно развалилась в кресле «Лей-зи-бой»[10 - «Лей-зи-бой» – товарный знак раскладного кресла производства одноименной компании (La-Z-Boy Inc.), г. Монро, шт. Мичиган. Первое кресло такого типа появилось в 1928 году.] и смотрела сериал «Доктор Фил». Эмили покачала головой.

– Нет, не надо. Я сама отнесу.

Конечно, Эмили иногда скулила, а порой и закатывала глаза. Но, по правде говоря, если мама о чем-то просила, она старалась не перечить. Эмили была почти круглой отличницей, четырехкратной чемпионкой штата по баттерфляю и гиперпослушной дочерью. Соблюдать правила и выполнять чужие просьбы – это было для нее в порядке вещей.

К тому же в глубине души ей хотелось найти повод снова побывать в доме Элисон. Роузвуд, казалось, уже забыл о том, что три года, два месяца и двенадцать дней назад исчезла Эли, чего нельзя было сказать про Эмили. Даже спустя столько времени она не могла без слез рассматривать выпускной альбом седьмого класса и каждый раз, когда открывала его, еле сдерживала слезы. Иногда, в дождливые дни, Эмили перечитывала записки от Эли, которые хранила под кроватью в обувной коробке «Адидас». Она даже сохранила пару вельветовых брюк от «Ситизенс», которые Эли дала ей поносить, и они так и висели на деревянной вешалке в шкафу, хотя давно уже стали малы. Последние несколько лет одинокой жизни в Роузвуде она только и мечтала о том, чтобы найти еще одну такую подругу, как Эли, но, наверное, эта мечта несбыточная. Пусть Эли не была идеальной, но при всех недостатках ее трудно было

заменить.

Эмили встала из-за стола и схватила ключи от «Вольво» с крючка у телефона.

– Я скоро вернусь, – крикнула она, закрывая за собой входную дверь.

* * *

Первое, что она увидела, когда подъехала к бывшему дому Элисон – особняку в викторианском стиле, который возвышался в самом конце зеленой улицы, – была огромная куча хлама на обочине и большой плакат рядом: «БЕСПЛАТНО!» Прищурившись, она разглядела знакомые вещи и среди них – старое, обитое белым вельветом кресло из спальни Эли. ДиЛаурентисы съехали отсюда месяцев девять назад. Видимо, кое-что из прежней обстановки они решили оставить.

Она припарковала «Вольво» позади гигантского фургона транспортной компании «Бекинс» и вышла из машины.

– Спокойно, – прошептала она, стараясь сдержать дрожь в нижней губе. Под креслом валялись стопки пыльных книг, связанных веревкой. Эмили наклонилась и рассмотрела корешки. «Красный знак мужества». «Принц и нищий». Она вспомнила, как читала их в седьмом классе и как на уроках мистера Пирса они обсуждали символизм, метафоры и развязку. Там было еще много книг вперемешку со старыми тетрадями. Рядом с книгами стояли подписанные коробки: «ОДЕЖДА ЭЛИСОН» и «СТАРЫЕ ЗАПИСИ ЭЛИСОН». Из ящика торчала сине-красная лента. Эмили потянула за кончик. Это оказалась ее медаль по плаванию из шестого класса, которую она оставила в доме Элисон, когда они придумывали игру под названием «Олимпийские секс-богини».

– Хочешь это взять?

Эмили резко выпрямилась. Перед ней стояла высокая худенькая темнокожая девушка с копной растрепанных вьющихся волос цвета черного шоколада. Девушка была в желтой майке на лямках, из-под которых выглядывали оранжево-зеленые бретельки лифчика. Эмили подумала, что, кажется, у нее дома есть такой же. Это был бюстгальтер от «Викториа’с Сикрет» с рисунком в виде крошечных апельсинов, персиков и лаймов на чашечках.

Медаль по плаванию выскользнула из ее рук и со стуком упала на землю.

– Мм, нет, – сказала Эмили и нагнулась, чтобы поднять ее.

– Ты можешь брать все, что захочешь. Видишь объявление?

– Нет, правда, все в порядке.

Девушка протянула ей руку.

– Майя Сен-Жермен. Только что переехала сюда.

– Я… – Слова застряли у нее в горле. – Я Эмили, – наконец выдавила она из себя и пожала руку Майе. Наверное, это выглядело официально – Эмили не была уверена, что когда-нибудь пожимала руку девушке. Она почувствовала легкую слабость. Может, съела слишком мало медовых хлопьев с орехами на завтрак?

Майя кивнула на гору барахла:

– Поверишь, все это дерьмо было в моей новой комнате? Мне пришлось самой выгребать. Ужас.

– Да, все это принадлежало Элисон, – чуть ли не шепотом произнесла Эмили.

Майя наклонилась, чтобы рассмотреть некоторые книги в мягких обложках, и, выпрямившись, поправила сползшую лямку.

– Она что, твоя подруга?

Эмили помолчала. Майя говорила о ней в настоящем времени. Может быть, не слышала об исчезновении Эли?

– М-м, была. Когда-то. Как и все девчонки, что жили здесь, по соседству, – объяснила Эмили, опуская подробности похищения или убийства или еще чего-то, что невозможно было себе представить. – В седьмом классе. Сейчас я уже в одиннадцатом. – Учебный год в дневной школе Роузвуда начинался после этих

выходных. Так же, как и занятия в бассейне, которые подразумевали ежедневные трехчасовые тренировки. Эмили даже думать об этом не хотелось.

– Я тоже буду учиться в Роузвуде! – усмехнулась Майя. Она плюхнулась в старое вельветовое кресло Элисон, и пружины жалобно скрипнули. – Всю дорогу мои родители только и говорили о том, как мне повезло, что я буду учиться в дневной школе Роузвуда, которую не сравнить с моей бывшей, в Калифорнии. Еще бы, у вас ведь наверняка нет мексиканской кухни, верно? Я имею в виду, хорошей мексиканской кухни, вроде калифорнийской мексиканской. У нас в школьном кафе всегда была… ммм… такая вкуснятина. Теперь, наверное, придется привыкать к «Тако Белл». Хотя от их гордитас[11 - Гордитас, или гордита, – пирожок из кукурузной муки с начинкой из сыра, мяса или другими начинками. Мексиканцы употребляют гордитас на обед с различными соусами.] меня блевать тянет.

– О! – Эмили улыбнулась. Эта девушка определенно любила поговорить. – Да, от такой еды может и стошнить.

Майя выпрыгнула из кресла.

– Наверное, моя просьба покажется тебе наглой, ведь мы только что познакомились, но не поможешь ли перетащить эти коробки в мою комнату? – Она указала на несколько ящиков, оставшихся в кузове грузовика.

Эмили округлила глаза. Зайти в бывшую комнату Элисон? Но наверное, было бы невежливо отказать девушке, не так ли?

– М-м, конечно, – дрожащим голосом произнесла она.

В холле по-прежнему пахло мылом «Дав» и ароматическими смесями, как во времена, когда здесь жили ДиЛаурентисы. Эмили остановилась в дверях и ждала, пока Майя подскажет, куда идти дальше, хотя знала, что и с завязанными глазами сможет найти бывшую комнату Эли на втором этаже. Все кругом было заставлено коробками, а из кухни залаяли две худые итальянские борзые.

– Не обращай на них внимания, – сказала Майя, поднимаясь по лестнице в свою комнату и толкая дверь бедром, обтянутым махровой тканью спортивных брюк.

Вау, здесь ничего не изменилось, – подумала Эмили, заходя в комнату подруги. Хотя на самом деле все выглядело по-другому: Майя переставила двуспальную кровать в другой угол, на письменном столе теперь красовался огромный монитор с плоским экраном, и на стенах были развешаны постеры, за которыми даже не видно было обоев в мелкий цветочек. Но что-то прежнее осталось, как будто дух Элисон еще витал здесь. Эмили почувствовала легкое головокружение и прислонилась к стене, чтобы не упасть.

– Поставь куда-нибудь, – сказала Майя. Эмили взяла себя в руки, поставила коробку в изножье кровати и огляделась по сторонам.

– Мне нравятся твои постеры, – сказала она, разглядывая портреты M. I. A.[12 - Матханги «Майа» Арулпрагасам (1975 г. р.), более известная как M.I.A., – британская певица и автор песен тамильского происхождения, которая также продюсирует записи других исполнителей, снимает видеоклипы и выступает в роли художника и дизайнера.], Black Eyed Peas[13 - Американская хип-хоп группа из Лос-Анджелеса.], Гвен Стефани в форме чирлидера. – Обожаю Гвен, – добавила она.

– Да, – сказала Майя. – Мой парень без ума от нее. Его зовут Джастин. Он из Сан-Франциско, как и я.

– О. У меня тоже есть парень, – сказала Эмили. – Его зовут Бен.

– Да? – Майя села на кровать. – И какой он?

Эмили попыталась вызвать в воображении образ Бена, своего бойфренда, с которым встречалась вот уже четыре месяца. В последний раз они виделись два дня назад, когда смотрели фильм «Doom»[14 - «Doom» (англ. «Doom» – «рок», «гибель», «участь», «судьба»; название не переводилось при прокате в России) – экранизация игры Doom от компании id Software.] на DVD у нее дома. Разумеется, мама Эмили находилась в соседней комнате и время от времени заглядывала к ним, спрашивая, не нужно ли чего. Раньше они были просто хорошими друзьями, вместе занимались плаванием. Товарищи по команде настойчиво призывали их встречаться, так они и сделали.

– Он клёвый парень.

– Так почему же ты больше не дружишь с девушкой, которая жила здесь? – спросила Майя.

Эмили заправила за уши тусклые волосы. Вау. Выходит, Майя действительно ничего не знала о судьбе Элисон. Если бы Эмили начала рассказывать про Эли, то наверняка разревелась бы, что могло показаться странным. Ведь она была едва знакома с этой Майей.

– Я как-то отдалилась от своих старых подруг. Думаю, мы все очень изменились.

Это было слишком мягко сказано. Если вспомнить лучших подруг Эмили, то Спенсер превзошла саму себя в своем стремлении к совершенству; семья Арии вдруг переехала в Исландию той же осенью, сразу после исчезновения Эли; а туповатая, но милая Ханна стала совсем не туповатой и не милой, превратившись в настоящую стерву. Ханна и ее нынешняя лучшая подруга Мона Вондервол преобразились до неузнаваемости за лето между восьмым и девятым классами. Мама Эмили недавно видела Ханну в гастрономе «Вава» и сказала, что Ханна выглядела «потаскушкой похлеще Пэрис Хилтон». Эмили никогда прежде не слышала слова потаскушка из уст своей матери.

– Я знаю, как это бывает, когда люди отдаляются друг от друга, – сказала Майя, подпрыгивая на кровати. – Знаешь, как с моим парнем? Он ужасно боится, что я его брошу, и из-за этого мы с ним как будто на разных берегах. Он как большой ребенок.

– Мы с моим парнем в одной команде по плаванию, так что видимся часто, – ответила Эмили, выискивая глазами, куда бы присесть. Может быть, слишком часто, подумала она.

– Ты пловчиха? – спросила Майя. Она оглядела Эмили с головы до ног, отчего Эмили слегка смутилась. – Готова поспорить, что классная. У тебя шикарные плечи.

– О, я, право, не знаю. – Эмили покраснела и прислонилась к белому деревянному столу Майи.

– Да ладно, не скромничай! – Майя улыбнулась. – Но… хотя ты заядлая спортсменка, это же не значит, что ты убьешь меня, если я покурю травку?

– Что, прямо сейчас? – У Эмили глаза на лоб полезли. – А как же твои родители?

– Они уехали за продуктами. А мой брат… он где-то здесь, но ему все равно. – Майя полезла под матрац и вытащила оттуда жестяную баночку. Она приоткрыла окно, возле которого стояла ее кровать, достала косячок и закурила. Дым потянулся во двор, окутывая туманным облачком рослый дуб.

Майя протянула ей сигарету.

– Хочешь затянуться?

Эмили никогда в жизни не курила травку – ей всегда казалось, что родители непременно узнают об этом, учуют запах от волос, или заставят помочиться в баночку, или еще как-то догадаются. Но Майя выглядела так сексуально, когда оторвала сигарету от своих искрящихся вишневым блеском губ, что Эмили тоже захотелось быть секси.

– Хм, ладно. – Эмили подсела к Майе и взяла у нее косячок. Их руки соприкоснулись, и они встретились глазами. У Майи они были зеленые, с оттенком желтизны, как у кошки. У Эмили задрожала рука. Она нервничала, но все-таки взяла сигарету в рот и слегка затянулась, как если бы пила ванильную колу через соломинку.

Но на вкус это была вовсе не ванильная кола. Ей показалось, что она втянула в себя целую банку гнилых специй. Эмили по-стариковски закашлялась.

– Ух ты, – сказала Майя, забирая у нее сигарету. – Первый раз?

Эмили не могла дышать и лишь покачала головой, жадно заглатывая воздух. Из груди вырывался хрип, но наконец она почувствовала, что легкие ожили. Когда Майя повернула руку, Эмили увидела длинный белый шрам, тянувшийся вдоль запястья. Ни фига себе. На ее смуглой коже он выглядел как змея-альбинос. Боже, кажется, она уже заторчала.

Вдруг раздался громкий лязг. Эмили вздрогнула. Резкий металлический звук повторился.

– Что это? – прохрипела она.

Майя сделала очередную затяжку и покачала головой.

– Рабочие. Мы здесь всего один день, а мои родители уже затеяли ремонт. – Она усмехнулась. – Ты так испугалась, будто подумала, что это копы нагрянули. Никогда не была в участке?

– Нет! – Эмили расхохоталась; настолько нелепой казалась эта идея.

Майя улыбнулась и выдохнула.

– Мне надо идти, – просипела Эмили.

Майя сникла.

– Почему?

Эмили сползла с кровати.

– Я сказала маме, что загляну к вам всего на минутку. Но мы ведь увидимся в школе во вторник.

– Круто, – сказала Майя. – Может, покажешь мне окрестности?

Эмили улыбнулась:

– Конечно.

Майя, тоже с улыбкой, помахала ей на прощание тремя свободными пальцами.

– Найдешь выход?

– Думаю, да. – Напоследок Эмили обвела взглядом комнату Эли – нет, Майи – и сбежала вниз по такой знакомой лестнице.

И только когда Эмили вышла на свежий воздух, прошла мимо скарба Элисон, выброшенного на обочину, и села в родительскую машину, она увидела корзину «Велкам Вагон» на заднем сиденье. К черту ее, подумала она, втискивая корзину между старым креслом Эли и коробками с книгами. Кому нужен путеводитель по гостиницам Роузвуда? Майя уже живет здесь.

И Эмили вдруг обрадовалась этому.

2. Так поступают исландские (и финские) девушки

– О боже, деревья. Наконец-то я вижу толстые деревья.

Микеланджело, пятнадцатилетний брат Арии Монтгомери, высунул голову из окна семейного «Мицубиши Аутбек», подражая золотистому ретриверу. Ария и Майк и их родители, Элла и Байрон – они предпочитали, чтобы дети называли их по имени, – ехали домой из международного аэропорта Филадельфии. Они только что прилетели из Рейкьявика. Отец Арии – профессор истории искусств, и семья провела последние два года в Исландии, где он помогал проводить исследования для документального телефильма о скандинавском искусстве. Теперь, когда они вернулись на родную землю, Майк не мог налюбоваться сельскими пейзажами Пенсильвании. Буквально все вокруг приводило его в восторг. Каменное здание гостиницы 1700-х годов, где продавали причудливые керамические вазы; черные коровы, которые тупо глазели на их автомобиль из-за деревянного придорожного забора; торговый комплекс в деревенском новоанглийском стиле, выросший на пустыре за время их отсутствия; даже замызганная кофейня «Данкин Донатс», которой было уже четверть века.

– Боже, мне не терпится выпить «Кулата»![15 - Coolata (англ.) – вид кофе, который продают в «Данкин Донатс».] – захныкал Майк.

Ария застонала. Майку было тоскливо и одиноко в Исландии – он говорил, что все исландцы «гомики, которые ездят на голубых лошадках», – зато Ария расцвела. Новый старт был просто необходим ей тогда, поэтому она больше всех обрадовалась, когда отец объявил, что семья переезжает. Это было осенью, вскоре после того, как пропала Элисон. Закадычные подруги стали чужими, и в ее жизни осталась только школа с надоевшими одноклассниками.

Еще перед отъездом в Европу Ария замечала, как заинтересованно поглядывают на нее мальчишки, но потом отводят взгляд в сторону. У Арии была точеная фигурка балерины, прямые черные волосы и пухлые губы, и она знала, что красива. Ей постоянно об этом говорили, но почему же тогда ей не с кем пойти на вечеринку? В последний раз, когда они со Спенсер выбрались на тусовку – в то лето, когда исчезла Эли, – Спенсер сказала Арии, что у нее не будет отбоя от ухажеров, если она хотя бы попытается вписаться в компанию.

Но Ария не знала, как вписаться. Родители вбили ей в голову, что она особенная и нельзя ходить стадом, а надо оставаться самой собой. Беда в том, что Ария не очень хорошо понимала, кто такая Ария. С одиннадцати лет она уже успела примерить на себя немало образов – была и панком, и эстеткой, и звездой немого кино, а незадолго до отъезда пыталась походить на роузвудскую амазонку, которая скачет верхом, носит рубашки поло, щеголяет с огромной спортивной сумкой – короче, стала девушкой во вкусе роузвудских парней, но полной противоположностью настоящей Арии. К счастью, они переехали спустя пару недель после той катастрофы, и в Исландии всё, всё, решительно всё изменилось.

Ария пошла в восьмой класс, когда ее отец получил приглашение на работу в Исландии, и семья сразу принялась паковать вещи. Ария подозревала, что столь поспешный отъезд связан с тайной отца, которую знали только она и Элисон ДиЛаурентис. Как только самолет на Рейкьявик оторвался от земли, она поклялась больше не думать об этом, и уже через несколько месяцев Роузвуд стал далеким воспоминанием. Родители, казалось, снова почувствовали себя молодоженами, и даже ее безнадежно провинциальный брат заговорил по-исландски и по-французски. И Ария влюблялась… не раз, чего уж там.

Но что, если парни Роузвуда не примут новую Арию с ее закидонами? Исландские ребята – богатые, светские, очаровательные – сразу потянулись к ней. Вскоре после переезда она познакомилась с парнем по имени Холбьорн. Ему было семнадцать, он подрабатывал диджеем, у него было три пони и обалденная мускулатура, какой она еще не видывала. Он предложил ей съездить посмотреть исландские гейзеры, и, когда прямо перед ними из-под земли забил горячий фонтан, окутывая их облаком пара, он поцеловал ее. После Холбьорна появился Ларс, который любил играть с ее старой верной Хрюшей – той, что была советчицей в любви, – и водил ее на лучшие ночные танцевальные вечеринки в портовый клуб. В Исландии она ощущала себя очаровательной и сексуальной. Там она стала исландской Арией, лучшей до сей поры. Она нашла

свой стиль – богемно-хипстерский – с многослойной одеждой, высокими сапогами на шнуровке, джинсами от «Эй-пи-си»[16 - Культовый парижский элегантный бренд APC – «Atelier de Production et de Creation» (творение и производство одежды); основан в 1951 году дизайнером Жаном Туиту в сотрудничестве с дизайнером Лондонской недели моды Джессикой Огден.], которые приобрела в Париже, – читала французских философов, путешествовала по всей Европе на поездах компании «Юрейл», прихватив с собой лишь старомодную карту и смену нижнего белья.

Но теперь улочки и дома Роузвуда, мелькающие за окном автомобиля, напоминали ей о прошлом, которое она хотела забыть. Вот закусочная «Ферраз Чизстейкс», где они с девчонками торчали по полдня, когда учились в средней школе. Вот выложенный камнем забор загородного клуба – ее родители не были его членами, но она заходила туда со Спенсер и однажды, набравшись смелости, подошла к объекту своей страсти, Ноэлю Кану, и пригласила его на мороженое. Разумеется, получила от ворот поворот.

А вот и солнечная, обсаженная деревьями улица, где когда-то жила Элисон ДиЛаурентис. Когда автомобиль остановился на светофоре у перекрестка, Ария присмотрелась и увидела дом Эли – второй с угла. На обочине была свалена куча мусора, но в остальном дом выглядел тихим и пустым. Ей было больно на него смотреть, и она прикрыла глаза рукой. В Исландии она порой начисто забывала про Эли, про их секреты и все, что случилось. И вот прошло всего десять минут, как она вернулась в Роузвуд, но уже как будто слышала голос Эли за каждым поворотом и видела отражение ее лица в эркере каждого дома. Ария вжалась в сиденье, стараясь сдержать слезы.

Они проехали еще несколько улиц и наконец подкатили к своему старому дому – красновато-коричневой коробке в стиле постмодерн с единственным квадратным окном прямо по центру фасада. Сплошное разочарование после их светло-голубого исландского таунхауса на берегу моря. Ария зашла в дом следом за родителями, и они тотчас разбрелись по комнатам. Майку уже кто-то звонил, и Ария, оставшись одна, взмахнула руками, поднимая в воздух тучи пыли.

– Мам! – Майк прибежал с улицы. – Я только что говорил с Чедом, и он сказал, что сегодня первая тренировка по лакроссу[17 - Канадская национальная игра индейского происхождения, распространенная и на востоке США. В игре участвуют две команды: игроки при помощи палки с сетью на конце должны

поймать тяжелый резиновый мяч и забросить его в ворота соперника.].

– Лакросс? – Элла вышла из столовой. – Прямо сейчас?

– Да, – сказал Майк. – Я пойду! – Он взлетел по кованой железной лестнице в свою бывшую комнату.

– Ария, дорогая? – Голос матери заставил ее повернуться. – Ты не сможешь отвезти его?

Ария усмехнулась:

– Ты серьезно, мам? У меня же нет водительских прав.

– И что? Ты же ездила в Рейкьявике. Поле для лакросса всего в паре километров, разве нет? В худшем случае собьешь корову. Просто подождешь его, пока он отстреляется.

Ария задумалась. В голосе матери звучала усталость. Она расслышала, как отец хлопает дверцами шкафчиков на кухне и что-то бурчит себе под нос. Будут ли ее родители любить друг друга здесь так же, как в Исландии? Или все вернется на круги своя?

– Хорошо, отвезу, – пробормотала Ария. Она бросила свои сумки на лестничную площадку, схватила ключи от машины и, выбежав из дома, скользнула на водительское сиденье.

Брат, поразительно быстро переодевшийся в спортивную форму, уселся рядом. Он лихо заехал кулаком в сетку на конце своей палки и ехидно улыбнулся сестре:

– Рада, что вернулась?

Ария только вздохнула в ответ. Майк словно прилепился к стеклу и всю дорогу выкрикивал: «Вон дом Калеба! Смотри, они сломали пандус для скейта!» или «Коровьи лепешки пахнут все так же!» Она едва притормозила у тренировочного поля с аккуратным газоном, как Майк уже открыл дверцу и чуть

ли не кубарем выскочил из машины.

Ария откинулась на спинку сиденья, устремила взгляд сквозь стеклянную крышу и глубоко вздохнула.

– В восторге, – пробормотала она, отвечая на вопрос брата. Огромный воздушный шар безмятежно плыл по чистому небу. Они всегда так радовались, когда видели их, но сегодня она закрыла один глаз и, прицелившись, выстрелила в шар из воображаемого пистолета.

Компания парней в белых футболках «Найк», мешковатых шортах и белых бейсболках, надетых козырьком назад, медленно шла мимо в сторону раздевалки. Что она говорила? Все ребята в Роузвуде словно сделаны под копирку. Ария заморгала, не веря глазам своим. На одном из них была такая же футболка «Найк» с логотипом университета Пенсильвании, как у Ноэля Кана, по которому она сохла в восьмом классе. Она прищурилась, вглядываясь в черные волнистые волосы парня. Постой-ка. Неужели это… он? О боже! Так и есть. Ария удивилась, что он до сих пор носит ту же футболку, что и в тринадцать лет. Наверное, он надевал ее на удачу – да мало ли у спортсменов глупых предрассудков?

Ноэль озадаченно уставился на нее, подошел к машине и постучал в окошко. Она опустила стекло.

– Ты – та девчонка, что уехала на Северный полюс. Ария, верно? Подруга Эли? – спросил Ноэль.

Ария почувствовала, как сердце ухнуло вниз.

– Хм, – только и произнесла она.

– Не, чувак. – Джеймс Фрид, еще один секс-символ роузвудской школы, нарисовался у него за спиной. – Она не на Северный полюс уезжала, а в Финляндию. Ну, знаешь, откуда родом топ-модель Светлана. Та, что похожа на Ханну?

Ария почесала затылок. Ханна? В смысле Ханна Марин?

Раздался свисток, и Ноэль просунул руку в окошко и коснулся плеча Арии.

– Останешься, посмотришь тренировку, Финляндия?

– Э-э… ja, – ответила Ария.

– Это что, финская секс-бурчалка? – усмехнулся Джеймс.

Ария закатила глаза. Она была почти уверена, что ja по-фински означает да, но эти ребята вряд ли знали такие тонкости.

– Идите, резвитесь со своими мячиками. – Она улыбнулась устало.

Парни подтолкнули друг друга локтями и побежали, размахивая клюшками для лакросса. Ария смотрела им вслед. Как странно. Впервые в жизни она кокетничала с парнем в Роузвуде – тем более с Ноэлем, – и в душе ничего не дрогнуло.

Сквозь деревья она различила шпиль часовни на территории гуманитарного колледжа Холлис, где преподавал ее отец. Ария вспомнила, что там же, на центральной улице, был бар «Снукерс». Она выпрямилась на сиденье и посмотрела на часы. Половина третьего. Может, повезет, и бар будет открыт. Она бы успела выпить кружку пива, а то и две, чтобы поднять себе настроение.

Да, и, может быть, после пива парни Роузвуда покажутся ей более привлекательными.

* * *

Если в рейкьявикских барах пахло свежесваренным лагером[18 - Вид светлого пива.], старым деревом и французскими сигаретами, в «Снукерсе» воняло тухлятиной, хот-догами и потом. «Снукерс», как и все остальное в Роузвуде, пробуждал воспоминания: как-то вечером в пятницу Элисон ДиЛаурентис подбила Арию на спор зайти в бар и заказать коктейль «Кричащий оргазм». Ария отстояла в очереди за мальчишками из подготовительной школы и, когда вышибала у двери не пустил ее внутрь, воскликнула: «Но мне нужен кричащий оргазм!» Когда до нее дошло, что она сказала, ей захотелось провалиться сквозь

землю. Она бросилась обратно к своим подругам, которые прятались за машиной на парковке. Все хохотали до икоты.

– «Амстел», – коротко бросила она бармену, заходя в стеклянные двери бара – очевидно, в субботу, в половину третьего пополудни, необходимости в вышибалах не было. Бармен вопросительно поднял глаза, но все-таки поставил перед ней пинту[19 - 1 американская жидкая пинта = 0,473 литра.] пива и отвернулся. Ария сделала большой глоток. Пиво оказалось пресное и водянистое на вкус. Она выплюнула его обратно в стакан.

– Все в порядке?

Ария повернула голову. Через три табуретки от нее сидел парень с взъерошенными блондинистыми волосами и глазами цвета голубого льда, как у сибирской хаски. В руках он держал низкий бокал с каким-то напитком.

Ария нахмурилась:

– Да, я уже забыла, какое здесь пиво. Два года прожила в Европе. Там пиво определенно лучше.

– В Европе? – Парень улыбнулся. У него была очень милая улыбка. – А в какой стране?

Ария улыбнулась в ответ.

– В Исландии.

Его глаза вспыхнули.

– Однажды я останавливался на несколько дней в Рейкьявике по пути в Амстердам. Там еще была такая грандиозная вечеринка в гавани.

Ария обхватила обеими руками высокий стакан с пивом.

– Да, – сказала она с улыбкой, – там закатывают лучшие вечеринки.

– А северное сияние видела?

– Конечно, – ответила Ария. – И полуночное солнце. Мы летом устраивали такие крутые дискотеки… с лучшей музыкой. – Она посмотрела на его бокал. – Ты что пьешь?

– Виски, – сказал он, уже подавая знак бармену. – Хочешь?

Она кивнула. Парень передвинулся и оказался рядом с ней. У него были красивые руки с длинными пальцами и неровно обрезанными ногтями. На лацкане его вельветового пиджака был приколот значок-пуговица с надписью: «УМНЫЕ ЖЕНЩИНЫ ГОЛОСУЮТ!»

– Так ты жила в Исландии? – Он снова улыбнулся. – Наверное, по одногодичной программе обучения?[20 - Имеется в виду одногодичная программа обучения для иностранных студентов младших курсов университетов.]

– М-м… нет, – сказала Ария. Бармен поставил перед ней бокал с виски. Она лихо глотнула, как если бы это было пиво. В горле и груди разом занялся пожар. – Я была в Исландии, потому что…

Она вовремя спохватилась и прикусила язык.

– Да, по одногодичной программе… – Пусть думает что хочет.

– Круто. – Он кивнул. – А где до этого жила?

Она пожала плечами.

– М-м… здесь, в Роузвуде. – Она улыбнулась и быстро добавила: – Но там мне нравилось гораздо больше.

Он понимающе кивнул.

– Я вообще впал в депрессию, когда вернулся в Штаты после Амстердама.

– А я ревела всю дорогу до дома, – призналась Ария, впервые после возвращения почувствовав себя самой собой – обновленной, раскованной исландской Арией. Мало того что она говорила с умным и симпатичным парнем о Европе, так он еще был, пожалуй, единственным человеком в Роузвуде, кто не знал ее как Арию со странностями из роузвудской школы, подружку местной красотки, пропавшей без вести. – Так ты учишься здесь? – спросила она.

– Уже отучился. – Он вытер рот салфеткой и закурил «Кэмел». Предложил и ей сигарету из пачки, но она отказалась. – Теперь буду преподавать.

Ария сделала еще глоток и поняла, что виски кончилось. Ничего себе, махнула.

– Я бы тоже хотела преподавать. Когда закончу учебу. Или стану драматургом. Буду писать пьесы.

– Да? Пьесы? А какая у тебя кафедра?

– Хм, английская литература. – Бармен поставил перед ней новую порцию виски.

– Это как раз то, что я преподаю! – воскликнул парень. И в следующее мгновение его рука легла ей на коленку. От удивления Ария вздрогнула, едва не опрокинув свой бокал. Он тотчас убрал руку. Она покраснела.

– Извини, – немного смущенно произнес он. – Кстати, меня зовут Эзра.

– Ария. – Собственное имя вдруг показалось ей смешным. Она хихикнула, и ее качнуло.

– Ух ты. – Эзра успел подхватить ее под руку.

После третьего скотча Ария и Эзра уже выяснили, что они оба знакомы со старым моряком-барменом из бара «Борг» в Рейкьявике, их обоих приятно клонило в сон после купания в горячих минеральных источниках голубой лагуны, и им на самом деле нравится, как пахнет тухлыми яйцами геотермальная серная вода. С каждым мгновением голубые глаза Эзры становились все ярче. Арию так и подмывало спросить, есть ли у него девушка. Она чувствовала, как разливается в ней тепло, и была почти уверена, что это не только от виски.

– Кажется, мне надо пройти в ванную комнату, – слегка заплетающимся языком произнесла Ария.

Эзра улыбнулся.

– Мне можно с тобой?

Считай, ответил на вопрос о девушке.

– Я хотел сказать, э-э… – Он потер затылок. – Я не слишком поторопился? – спросил он, взглянув на нее из-под нахмуренных бровей.

В голове у нее шумело, мысли путались. Секс с первым встречным – это было не для нее, по крайней мере в Америке. Но разве не она говорила, что хочет быть исландской Арией?

Она встала, взяла его за руку и повела за собой. Они не отрывали друг от друга глаз. Пол в туалете был завален обрывками бумаги, а пахло еще хуже, чем в баре, но Ария ничего не замечала. Когда Эзра поднял ее и усадил на раковину и ее ноги обвились вокруг его талии, она ощущала только его запах – смесь виски, корицы и пота, – и не было для нее запаха слаще.

Как бы сказали в Финляндии или где там еще – ja-ja.

3. Драгоценные шалости Ханны

– И, похоже, они занимались сексом в спальне родителей Бетани!

Ханна Марин уставилась через стол на свою лучшую подругу, Мону Вондервол. До начала занятий в школе оставалось два дня, и они сидели во французском открытом кафе «Рив Гош» в молле «Кинг Джеймс», попивали красное вино, сравнивали журналы «Вог» и «Тин Вог», сплетничали. Мона была любительницей обливать людей грязью. Ханна глотнула вина и заметила мужчину лет сорока, который пожирал их плотоядным взглядом. Тоже мне, местный Гумберт Гумберт[21 - Герой романа В. Набокова «Лолита».], подумала Ханна, но

промолчала. Мона все равно не поняла бы этой литературной отсылки, но то, что Ханна была самой популярной девчонкой в школе, отнюдь не означало, что она не заглядывала в рекомендуемый список книг для чтения на лето, особенно когда валялась у своего бассейна, маясь от безделья. К тому же «Лолита» давно манила ее своей восхитительной непристойностью.

Мона обернулась посмотреть, на кого это пялится Ханна. Ее губы дернулись в озорной усмешке.

– Надо бы вогнать его в краску.

– На счет три? – Янтарные глаза Ханны расширились.

Мона кивнула. На счет «три» девушки медленно подняли подолы своих и без того неприлично коротких мини, показывая трусики. У Гумберта глаза едва не выкатились из орбит, он опрокинул свой бокал с «пино нуар» на брюки цвета хаки, заливая пах.

– Проклятие! – вскричал он и метнулся в сторону туалетной комнаты.

– Отлично, – сказала Мона. Они бросили салфетки в тарелки с несъеденными салатами, собираясь уходить.

Они подружились летом, между восьмым и девятым классами, когда обе провалились на отборе в новую команду чирлидеров роузвудской школы. Поклявшись пройти конкурс на следующий год, они решили сбросить тонны веса, чтобы стать изящными задорными девчонками, которых ребята подбрасывают в воздух. Но, как только они отощали до модельных параметров и оценили свои перспективы, чирлидинг был объявлен отстоем, а чирлидеры – лузерами, так что попыток пробраться в команду они больше не предпринимали.

С тех пор Ханна и Мона делились друг с другом всем – ну или почти всем. Ханна так и не рассказала Моне, как ей удалось так быстро похудеть – говорить об этом было не совсем удобно. Да, «голодная» диета казалась сексуальной и достойной восхищения, но когда ты наедаешься до отвала жирной, масляной, сдобренной сыром всякой всячины, чтобы потом сблевать все это в унитаз, тут уж никаким гламуром не пахнет. Впрочем, Ханна давно избавилась от этой дурной привычки, так что теперь о ней можно было и не вспоминать.

– Знаешь, у этого парня встал, – прошептала Мона, собирая со стола журналы. – Что подумает Шон?

– Посмеется, – ответила Ханна.

– Хм, я так не думаю.

Ханна пожала плечами:

– Может быть, ты и права.

Мона фыркнула:

– Да уж, заголяться перед незнакомыми мужиками – это как-то не вяжется с обетом целомудрия.

Ханна оглядела свои фиолетовые туфли на высокой танкетке от «Майкл Корс». Обет целомудрия. Невероятно популярный, самый сексуальный бойфренд Ханны, Шон Эккард – парень, по которому она сходила с ума с седьмого класса, – в последнее время вел себя немного странно. Его не зря называли Мистером Бойскаутом всей Америки – он работал волонтером в доме престарелых, разносил индейку бездомным в День благодарения, – но вчера вечером, когда Ханна, Шон, Мона и прочая мелкота тусовались в горячей кедровой ванне у Джима Фрида, тайком потягивая пивко, Шон задрал свою бойскаутскую планку еще выше. Он объявил, даже с оттенком гордости, что дал обет целомудрия, поклявшись не заниматься сексом до брака. Все, включая Ханну, онемели от такого заявления.

– Это он не всерьез, – уверенно сказала Ханна. Да разве могло быть иначе? Какая-то детская клятва; Ханна рассудила, что это просто модный тренд, вроде браслетов Лэнса Армстронга[22 - Очень модный и популярный браслет среди фанатов велосипеда. Лэнс Армстронг (1971) – легендарный американский профессиональный велогонщик.] или йогалатеса[23 - Направление спортивной тренировки, которое сочетает в себе элементы пилатеса и йоги.].

– Ты думаешь? – ухмыльнулась Мона, откидывая с глаз длинную челку. – Посмотрим, что будет на вечеринке у Ноэля в следующую пятницу.

Ханна стиснула зубы. Мона как будто смеялась над ней.

– Я хочу пройтись по магазинам, – сказала она, вставая из-за стола.

– Как насчет «Тиффани»? – спросила Мона.

– Отличная идея.

* * *

Они прогуливались по недавно открытой роскошной галерее молла «Кинг Джеймс», где разместились бутики «Барберри», «Тиффани», «Гуччи», «Коуч»; где пахло новейшим ароматом духов от «Майкл Корс»; и где уже толпились маленькие модницы, собирающиеся в школу, со своими элегантными мамашами. Несколько недель назад, когда Ханна бродила здесь одна, она заметила свою давнюю подругу Спенсер Хастингс, которая проскользнула в новый бутик «Кейт Спейд», и вспомнила, как та выписывала себе целую коллекцию нейлоновых сумок этой марки из Нью-Йорка.

Ханне и самой стало смешно, что она помнит такие подробности о бывшей подруге. И, наблюдая за тем, как Спенсер внимательно разглядывает кожаные багажные сумки от «Кейт Спейд», Ханна вдруг поймала себя на мысли, не думает ли сейчас Спенсер о том же, о чем думает она: что это новое крыло молла непременно пришлось бы по вкусу Эли ДиЛаурентис. Ханна часто задумывалась о том, как много всего интересного пропустила Эли – прошлогодний костер перед началом учебного года, караоке-вечеринку в особняке Лорен Райан по случаю ее шестнадцатилетия, возвращение моды на обувь с круглым мысом, кожаные чехлы для «айпод нано» от «Шанель»… да и сам «айпод нано». Но самое главное, что пропустила Эли? Разумеется, преображение Ханны – и это такая досада. Порой, когда Ханна крутилась перед зеркалом в полный рост, она представляла себе, что рядом сидит Эли, привычно критикуя ее наряды. Столько лет Ханна потратила впустую, прозябая пышкой и лузером, вечно заискивая перед другими, но теперь все круто изменилось.

Они с Моной зашли в бутик «Тиффани» – весь из стекла и хрома, залитый белым светом, в котором еще ярче сверкали безупречные бриллианты. Мона прошлась вдоль витрин и, вскинув брови, посмотрела на Ханну.

– Может быть, ожерелье?

– Как насчет браслета с шармами? – шепнула Ханна.

– Точно.

Они подошли к витрине и уставились на серебряный браслет с подвеской в форме сердечка.

– Какая красота, – с придыханием произнесла Мона.

– Заинтересовались? – спросила элегантная пожилая продавщица.

– О, даже не знаю, – сказала Ханна.

– Он вам пойдет. – Женщина отперла витрину и полезла за браслетом. – Эта модель во всех журналах.

Ханна локтем подтолкнула Мону.

– Давай, ты примеришь.

Мона застегнула браслет на запястье.

– Очень красиво. – Тут продавщица отвернулась к другой клиентке. В следующее мгновение Мона стянула браслет с запястья, и он упал прямо в ее карман. Вот и весь фокус.

Ханна надула губки и остановила другую продавщицу, медовую блондинку с коралловой помадой.

– Могу я примерить вон тот браслет с круглым шармом?

– Конечно! – Девушка открыла витрину. – Я и сама ношу такой же.

– Может, еще и сережки к нему покажете? – Ханна ткнула в них пальцем.

– Конечно.

Мона тем временем переместилась к бриллиантам. Ханна держала в руках серьги и браслет. Вместе они стоили триста пятьдесят долларов. Вдруг, откуда ни возьмись, налетела шумная компания японок, которые облепили витрину, показывая на другой браслет с круглым шармом. Ханна незаметно оглядела потолок и двери, проверяя наличие камер видеонаблюдения и детекторов.

– О, Ханна, иди, посмотри на «Люциду»![24 - Знаменитое кольцо для помолвки от «Тиффани» с бриллиантом уникальной огранки «Люцида», названным в честь самой яркой звезды.] – окликнула ее Мона.

Ханна замерла. Время как будто замедлилось. Она надела браслет на запястье и затолкала его под рукав. Серьги она запихнула в свой кошелек от «Луи Виттон» с монограммой и вишенками. Сердце бешено колотилось. Это был самый волнующий момент аферы: предвкушение. В ней просыпалось живое и пьянящее чувство.

Мона, уже с бриллиантовым кольцом на пальце, помахала ей рукой.

– Правда, здорово смотрится?

– Пошли. – Ханна схватила ее за руку. – Заглянем в «Коуч».

– Ты не хочешь ничего примерить? – надулась Мона. Она всегда начинала тормозить, зная, что Ханна уже сделала дело.

– Нет, – сказала Ханна. – Цены кусаются. – Она чувствовала, как нежно впивается в кожу серебряная цепочка на ее руке. Нужно было выбираться отсюда, пока японки еще суетились у прилавка. Продавщица даже не оглянулась в ее сторону.

– Ну ладно, – театрально вздохнула Мона. Она протянула кольцо продавщице, взявшись за камень, чего нельзя было делать – это даже Ханна знала. – Слишком мелкие бриллианты, – сказала она. – Извините.

– У нас есть и другие, – взялась уговаривать ее продавщица.

– Пойдем, – сказала Ханна, хватая Мону за руку.

Ее сердце готово было выпрыгнуть из груди, пока они шли через торговый зал к выходу. Подвески звякнули на запястье, и она потянула рукав вниз. Ханна была профи в этом деле – начинала с развесных конфет в гастрономе «Вава», потом перешла к компакт-дискам из магазина «Тауэр» и детским футболкам от «Ральф Лорен» – и с каждым разом чувствовала себя все более уверенной и смелой. Она закрыла глаза и переступила порог, внутренне съеживаясь в ожидании рева сирены.

Но сигнализация не сработала. Они спокойно вышли из магазина.

Мона сжала ее руку.

– Ты тоже прихватила?

– Конечно. – Ханна похвасталась браслетом на запястье. – И вот еще. – Она открыла кошелек и показала Моне серьги.

– Черт. – Мона округлила глаза.

Ханна улыбнулась. Иногда так приятно заткнуть за пояс лучшую подругу. Чтобы не сглазить удачу, она прибавила шагу, быстро удаляясь от «Тиффани» и прислушиваясь, не бежит ли кто за ними. Но слышен был лишь шум фонтана, и фоном звучала приглушенная запись песни Бритни Спирс «Упс! Я снова это сделала».

О да, это про меня, – подумала Ханна.

4. Спенсер бежит с корабля

– Дорогая, мидии не едят руками. Это неприлично.

Спенсер Хастингс посмотрела через стол на свою мать, Веронику, которая нервно поправила идеально мелированные пепельные волосы.

– Извини, – сказала Спенсер, хватаясь за смехотворно маленькую вилку для мидий.

– Я действительно думаю, что Мелисса не должна жить в таунхаусе среди всей этой пыли, – сказала миссис Хастингс своему мужу, пропустив мимо ушей извинения Спенсер.

Питер Хастингс покрутил шеей. В свободное от адвокатской практики время он рассекал на велосипеде по проселочным дорогам Роузвуда в плотных ярких футболках из спандекса и велосипедках, грозя кулаком обгоняющим его автомобилям. Из-за этих велосипедных марафонов у него постоянно ныли плечи.

– С этим бесконечным ремонтом! Я не знаю, как она вообще сможет там заниматься, – продолжала миссис Хастингс.

Спенсер и ее родители сидели в «Мошулу», ресторанчике на борту парусного судна в филадельфийской бухте, и ждали Мелиссу, сестру Спенсер, которая должна была присоединиться к ним за обедом. Праздничный обед устроили в честь Мелиссы, которая на год раньше закончила Пенсильванский университет и поступила в Уортонскую школу бизнеса[25 - Уортонская школа бизнеса при Пенсильванском университете – американская бизнес-школа. Основана в 1881 году бизнесменом-меценатом Дж. Уортоном.]. Таунхаус в центре Филадельфии, где сейчас шел ремонт, был подарком от родителей.

Всего через два дня у Спенсер начинался учебный год в предпоследнем классе роузвудской школы, и ее ожидало довольно суровое расписание: пять предметов для углубленного изучения, тренинг лидерских качеств, организация благотворительных кампаний, редактирование школьного ежегодника, пробы в драмкружке, тренировки по хоккею; а еще нужно было срочно отправить заявку на летние подготовительные курсы, поскольку все знали, что верный способ поступить в один из университетов «Лиги плюща»[26 - «Лига плюща» – ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США. Название происходит от побегов плюща, обвивающих старые здания в этих университетах.] – это попасть в их летние лагеря. Но в этом году Спенсер ожидала и еще одного события: ей предстояло

перебраться в переоборудованный амбар на заднем дворе их дома. Родители полагали, что только там она сможет подготовиться к поступлению в колледж – да что там говорить, Мелисса это уже доказала! Опять эта Мелисса, тьфу, слушать противно. Но в данном случае Спенсер была счастлива следовать по стопам сестры, поскольку они вели в спокойный, светлый гостевой домик, где Спенсер смогла бы скрыться от родителей и не слышать их постоянно лающих лабрадудлей[27 - Порода собак, созданная путем скрещивания лабрадора-ретривера и пуделя.].

Между сестрами давно существовало тайное соперничество, в котором Спенсер всегда проигрывала: в начальной школе Спенсер четыре раза получала президентскую награду за физическую подготовку, а Мелисса – пять. В седьмом классе Спенсер заняла второе место на олимпиаде по географии, но Мелисса была первой. Спенсер состояла в редколлегии ежегодника, участвовала во всех школьных постановках, в этом году взяла пять профилирующих предметов; все то же самое было и у Мелиссы в старшей школе, только она, помимо этого, работала на конеферме матери и готовилась к филадельфийскому марафону в поддержку борьбы с лейкемией. Каким бы высоким ни был средний балл Спенсер, сколько бы дополнительных занятий она ни впихивала в свое расписание, ей никогда не удавалось достичь высот Мелиссы.

Спенсер подцепила еще одну мидию – пальцами – и сунула ее в рот. Их отец любил этот ресторан, с темными деревянными панелями на стенах, толстыми восточными коврами, пьянящими ароматами сливочного масла, красного вина и соленого воздуха. Здесь, среди мачт и парусов, возникало такое чувство, будто ты можешь запросто прыгнуть за борт, в прибрежные воды. Спенсер устремила взгляд вдаль, через реку Шуйлкил, на огромный бурлящий аквариум в Камдене, штат Нью-Джерси. Мимо проходило громадное увеселительное судно, расцвеченное огнями. Кто-то взорвал петарду на передней палубе. Пожалуй, там, на борту, веселее, чем у них.

– Я забыла, как зовут этого друга Мелиссы? – пробормотала мама.

– Кажется, Рен[28 - Wren (англ.) – крапивник, мелкая птица, обитающая в Америке, Евразии и Северной Африке.], – ответила Спенсер. И мысленно добавила: как мелкую пташку.

– Она говорила мне, что он учится на врача, – радостно произнесла мать. – В Пенсильванском университете.

– Конечно, на кого ж еще, – тихо пробубнила Спенсер. Она с силой ударила по ракушке и поморщилась. Мелисса собиралась привести на обед нового бойфренда, с которым встречалась всего два месяца. Семья с ним еще не знакомилась – он уезжал к своим родственникам или еще куда-то, – но парни Мелиссы были как на подбор: все хрестоматийные красавцы, все хорошо воспитанные и все играли в гольф. Мелиссе явно не хватало воображения, потому и выбор бойфрендов был уныло предсказуемым.

– Мама! – донесся знакомый голос из-за спины Спенсер.

Мелисса устремилась к родителям и наградила каждого звонким поцелуем. Внешне она совсем не изменилась за это время: пепельно-белокурые волосы одной длины, до подбородка, на лице никакого мейкапа, разве что легкий тон, и одета она старомодно и безвкусно – в желтое платье с квадратным вырезом, розовый кардиган с жемчужными пуговицами и невзрачные туфли на низком каблуке.

– Дорогая! – воскликнула мать.

– Мама, папа, познакомьтесь, это Рен. – Мелисса потянула кого-то за руку.

У Спенсер едва не отвисла челюсть. В Рене не было ничего птичьего или хрестоматийного. Он оказался высоким долговязым брюнетом в красиво скроенной рубашке от «Томас Пинк», с удлиненной, слегка растрепанной стильной стрижкой. У него была красивая кожа, высокие скулы и миндалевидные глаза.

Рен пожал руки ее родителям и сел за столик. Мелисса сразу спросила маму, куда переслать счет за услуги водопроводчика, в то время как Спенсер терпеливо ждала, когда ее представят. Рен сделал вид, будто его заинтересовали огромные бокалы для вина.

– Я – Спенсер, – произнесла она наконец. Она надеялась, что у нее изо рта не пахнет мидиями. – Другая дочь. – Спенсер кивнула в сторону родителей. – Та, которую держат в подвале.

– О. – Рен усмехнулся. – Круто.

Кажется, она расслышала британский акцент?

– Не странно ли, что они не задали тебе ни одного вопроса, кто ты и что ты? – спросила у него Спенсер и перевела взгляд на родителей. Те уже были увлечены разговором о подрядчиках и паркете, который следует выбрать для пола в гостиной.

Рен пожал плечами и шепнул:

– Пожалуй. – И подмигнул ей.

Мелисса вдруг схватила его за руку.

– О, я вижу, вы уже познакомились, – сладко протянула она.

– Да. – Он улыбнулся. – Ты мне не говорила, что у тебя есть сестра.

Еще бы.

– Так вот, Мелисса, – продолжила миссис Хастингс, – мы с папой как раз говорили о том, куда бы тебе переехать на время ремонта. И я вот о чем подумала. Почему бы тебе не вернуться в Роузвуд и не пожить с нами несколько месяцев? А в университет будешь ездить каждый день, ты же знаешь, это не проблема.

Мелисса наморщила нос. Пожалуйста, скажи «нет», пожалуйста, – мысленно взывала к ней Спенсер.

– Видишь ли… – Мелисса поправила бретельку своего желтого платья. Чем дольше Спенсер на нее смотрела, тем сильнее было ощущение, что в желтом сестра выглядит нездоровой. Мелисса покосилась на Рена. – Дело в том, что… мы с Реном собираемся переезжать в таунхаус… вместе.

– О! – Мама улыбнулась им обоим. – Что ж… я полагаю, Рен тоже мог бы пожить у нас… как ты думаешь, Питер?

Спенсер прижала руки к груди, иначе сердце просто выпрыгнуло бы наружу. Они собирались жить вместе? А ее сестрица оказалась не робкого десятка. Спенсер могла только догадываться, что бы произошло, если бы она объявила такую новость. Мама уж точно сослала бы ее в подвал, а то и на конюшню. И Спенсер стала бы компаньоном лошадей вместо козлов[29 - Козлов держат на конюшнях для отпугивания ласок. Кроме того, козлы являются прекрасными компаньонами для лошадей.].

– Что ж, я не возражаю, – сказал отец. Невероятно! – У нас гораздо спокойнее. Мама целыми днями пропадает на конюшне, а Спенсер, разумеется, будет в школе.

– Ты учишься в школе? – спросил Рен. – В какой?

– В старшей, – встряла Мелисса. Она впилась в Спенсер долгим взглядом, словно оценивая и ее облегающее платье для тенниса от «Лакост» цвета слоновой кости, и темно-русые волнистые волосы, и бриллиантовые сережки в два карата. – Там же, где училась я. Спенс, все забываю тебя спросить – ты в этом году президент класса?

– Вице, – пробормотала Спенсер. Она могла поклясться, что Мелисса уже давно об этом знает.

– О, разве ты не рада этому? – спросила Мелисса.

– Нет, – призналась Спенсер. Прошлой весной она действительно участвовала в выборах президента, но проиграла, и пришлось довольствоваться ролью «вице». Она терпеть не могла проигрывать.

Мелисса покачала головой:

– Ты не понимаешь своего счастья, Спенс, это така-а-ая головная боль. Когда я была президентом, у меня почти не оставалось времени ни на что другое!

– И в самом деле, Спенсер, у тебя и так большая нагрузка, – пробормотала миссис Хастингс. – Школьная редколлегия, хоккей…

– К тому же, Спенс, ты сможешь занять пост, если президент… ну, ты понимаешь… умрет. – Мелисса заговорщически подмигнула ей, но Спенс вовсе не собиралась поддерживать эту шутку.

Мелисса снова повернулась к родителям:

– Мам, у меня идея. Что, если мы с Реном поселимся в амбаре? И не будем мозолить вам глаза.

У Спенсер перехватило дыхание, как будто ее ударили под дых. В амбаре?

Миссис Хастингс поднесла палец с безупречным французским маникюром к таким же безупречно накрашенным губам.

– Хм. – Она неуверенно взглянула на Спенсер. – Дорогая, может быть, ты подождешь несколько месяцев? А потом амбар будет в твоем полном распоряжении.

– О! – Мелисса отложила вилку. – Я не знала, что ты собираешься туда переезжать, Спенс! Я вовсе не хочу доставлять проблем…

– Все нормально, – перебила ее Спенсер и, схватив свой стакан с ледяной водой, сделала большой глоток. Усилием воли она заставила себя сдержаться и не закатывать истерику перед родителями и Ее Совершенством Мелиссой. – Я могу подождать.

– Серьезно? – удивилась Мелисса. – Это так мило с твоей стороны!

Мама, просияв, накрыла руку Спенсер своей холодной тонкой ладонью.

– Я знала, что ты поймешь.

– Прошу прощения? – Спенсер отодвинулась и встала из-за стола. – Я вас оставлю на минутку. – Она пересекла палубу, спустилась вниз по ковровой дорожке лестницы и сошла на берег. Ей нужна была твердая опора.

Там, за пристанью Пенна[30 - Реконструированная набережная в Филадельфии. Получила название по имени Уильяма Пенна, основателя Филадельфии и колонии, ныне штата, носящего его имя (Пенсильвания).], вырисовывались очертания Филадельфии. Спенсер села на скамейку и сделала пять «огненных» йогических вдохов. Потом достала свой бумажник и занялась упорядочением банкнот. Рассортировала бумажки в один, пять и двадцать долларов знаками в одном направлении, затем сложила их в алфавитном порядке, по буквам из длинной комбинации, напечатанной зеленой краской в верхнем углу. За этим занятием она всегда успокаивалась. Закончив с деньгами, она посмотрела на обеденную палубу корабля. Родители сидели лицом к реке, так что не могли ее видеть. Она порылась в своей рыжей сумке от «Хоган», нашла пачку «Мальборо», припасенную для экстренных случаев, и закурила.

От злости она делала одну затяжку за другой. Мало того что у нее подло украли амбар, так еще обставили это в такой вежливой форме, как умеет только Мелисса – внешне любезная и добрая, но коварная внутри. И никто, кроме Спенсер, этого не замечал.

Ей удалось отомстить Мелиссе только однажды, незадолго до окончания седьмого класса. Как-то вечером Мелисса и ее тогдашний бойфренд, Йен Томас, готовились к экзаменам. Когда Йен ушел, Спенсер подкараулила его у внедорожника, который он припарковал за сосновой рощицей. Ей хотелось просто пофлиртовать с Йеном – было обидно, что он тратит весь свой пыл на ее пресную, безупречную до кончиков ногтей сестрицу, – поэтому она по-дружески чмокнула его в щеку. Но когда он прижал ее к пассажирской дверце, она не стала сопротивляться и уж тем более убегать. Они оторвались друг от друга, только когда заревела сигнализация его автомобиля.

Когда Спенсер рассказала об этом Элисон, та назвала это предательством и посоветовала признаться во всем Мелиссе. Спенсер подозревала, что Эли попросту злилась, потому что весь год они соревновались в том, кто быстрее подцепит взрослого парня, и поцелуй с Йеном выводил Спенсер в лидеры.

Спенсер тяжело вздохнула. Она ненавидела, когда ей напоминали о том периоде ее жизни. Но дом ДиЛаурентисов находился прямо по соседству с ними, и одно из окон спальни Эли выходило на спальню Спенсер – так что Эли преследовала ее круглосуточно. Спенсер достаточно было выглянуть в окно, чтобы мысленно увидеть семиклассницу Эли, которая нарочно развешивала свою хоккейную форму у нее на глазах или, расхаживая по комнате, сплетничала по телефону.

Спенсер хотелось думать, что сама она изменилась с той поры. Тогда, в седьмом классе, они были такие вредные и злые – особенно Элисон, – но не только Элисон. И самым мучительным воспоминанием было… то, что случилось с Дженной. Всякий раз при мысли об этом Спенсер охватывал дикий ужас, и она хотела полностью избавиться от памяти, как в фильме «Вечное сияние чистого разума».

– Тебе не следует курить.

Она повернулась и увидела, что рядом стоит Рен. Спенсер с удивлением уставилась на него:

– Что ты здесь делаешь?

– Они там… – Он соединил и разомкнул ладони, изображая раскрывающиеся рты. – К тому же мне пришло сообщение. – Он достал из кармана «блэкберри».

– О, – произнесла Спенсер. – Это из больницы? Я слышала, ты великий доктор.

– Ну нет, на самом деле я пока только на первом курсе, – сказал Рен и показал на сигарету. – Не возражаешь, если я тоже затянусь?

Спенсер иронически усмехнулась.

– Ты только что просил меня не курить, – сказала она, протягивая ему сигарету.

– Это да. – Рен сделал глубокую затяжку. – Ты в порядке?

– В полном. – Спенсер не собиралась откровенничать с новоиспеченным бойфрендом сестры, из-за которого она только что лишилась своего амбара. – Так откуда ты родом?

– Из северного Лондона. Хотя мой отец – кореец. Он переехал в Англию, чтобы учиться в Оксфорде, да так там и остался. Все интересуются, откуда я такой.

– О. Я просто так спросила, – сказала Спенсер, хотя на самом деле ее распирало от любопытства. – А где ты познакомился с моей сестрой?

– В «Старбакс», – ответил он. – Она стояла в очереди передо мной.

– О, – вымолвила Спенсер. Какая проза.

– Она покупала латте, – добавил Рен, пнув ногой бордюрный камень.

– Как мило. – Спенсер теребила в руках пачку сигарет.

– Это было несколько месяцев назад. – Он сделал еще одну нервную затяжку. Его рука слегка дрожала, а глаза бегали по сторонам. – Я стал ухаживать за ней еще до того, как у нее появился таунхаус.

– Ладно, проехали, – сказала Спенсер, догадываясь, что он немного нервничает. Возможно, его напрягла встреча с ее родителями. А может, взбудоражила перспектива съехаться с Мелиссой? Если бы Спенсер была парнем, которому предстояло жить с Мелиссой, она бы бросилась с палубы «Мошулу» прямо в реку Шуйлкил.

Он вернул ей сигарету.

– Надеюсь, ты не против, если я буду жить в вашем доме.

– М-м, да. Мне все равно.

Рен облизал губы.

– Может быть, мне удастся избавить тебя от вредной привычки.

Спенсер смутилась.

– Я не заядлая курильщица.

– Я в этом даже не сомневаюсь, – улыбнулся Рен.

Спенсер решительно покачала головой:

– Нет, со мной такого не будет. – И это была правда: Спенсер привыкла все держать под контролем.

Рен снова улыбнулся:

– Судя по всему, ты всегда знаешь, что делаешь.

– Да, это так.

– Ты во всем такая? – спросил Рен, и его глаза блеснули.

Его игривый, поддразнивающий тон озадачил Спенсер. Неужели они… флиртовали? Их взгляды встретились и какое-то время не отпускали друг друга, пока на берег не сошла шумная компания из ресторана. Спенсер опустила глаза.

– Как ты думаешь, нам не пора вернуться? – спросил Рен.

Спенсер замялась и посмотрела на улицу, заставленную такси, готовыми увезти ее куда угодно. Ей даже захотелось предложить Рену сесть в одну из машин и рвануть на бейсбольный матч на стадионе «Ситизенс Банк Парк»[31 - Ситизенс Банк Парк – стадион в Филадельфии. Является домашним стадионом клуба Главной лиги бейсбола «Филадельфия Филлис».], где они жевали бы хот-доги, кричали на игроков, подсчитывали, сколько страйкаутов заработал стартовый питчер «Филлис». Она могла бы воспользоваться отцовской ложей – все равно места пропадали, – и Рен наверняка поддержал бы ее затею. Зачем возвращаться туда, где они никому не интересны? Кэб остановился на светофоре, всего в нескольких шагах от них. Она посмотрела на свободное такси, потом перевела взгляд на Рена.

Но нет, это было бы неправильно. И кто займет вице-президентский пост, если она погибнет от рук собственной сестры?

– Только после вас, – шутливо произнесла Спенсер, придерживая перед ним открытую дверь ресторана.

5. Вот тебе и Фитц

– Эй! Финляндия!

Во вторник, день начала учебного года, Ария спешила на свое первое занятие по английскому языку. Она обернулась и увидела, что ее догоняет Ноэль Кан, в фирменной жилетке роузвудской школы и при галстуке.

– Привет. – Ария кивнула, но не сбавила шаг.

– Ты тогда сбежала с нашей тренировки, – сказал Ноэль, поравнявшись с ней.

– А ты ожидал, что я буду смотреть? – Ария покосилась на него краем глаза. Он, кажется, вспыхнул от смущения.

– Да. Мы здорово схлестнулись. Я забил три мяча.

– Молодец, – невозмутимо произнесла Ария. Или он рассчитывал произвести на нее впечатление?

Она шла по коридорам родной школы, о которых, к несчастью, слишком часто грезила в Исландии. Над головой были все те же белые, как яичная скорлупа, сводчатые потолки. Под ногами – по-домашнему уютные деревянные полы. На стенах висели привычно унылые фотографии выпускников, слева тянулись ряды металлических, изрытых вмятинами, шкафчиков раздевалки. И даже приглушенная мелодия увертюры «1812 год»[32 - Торжественная увертюра «1812 год» – оркестровое произведение П. И. Чайковского в память о победе России в Отечественной войне 1812 года. Пользуется популярностью в мире из-за эффектного звучания и важности событий 1812 года для Европы и Америки.] была до боли знакома. В роузвудской школе она звучала на переменах как «стимулирующая умственную деятельность». Мимо пробегали школьники, которых Ария знала уже тысячу лет… и все оборачивались, с интересом разглядывая ее.

Ария опустила голову. В последний раз ее видели в этих стенах перед тем, как она уехала в Исландию в начале восьмого класса, и тогда она была одной из тех убитых горем девчонок, чья лучшая подруга исчезла при загадочных обстоятельствах. Где бы она ни появлялась, за ее спиной сразу начинали шептаться.

И вот теперь ее охватило такое чувство, будто она никуда и не уезжала. И казалось, что Эли где-то рядом. У Арии перехватило дыхание, когда она увидела мелькнувший за углом спортзала белокурый конский хвост. А когда она проходила мимо гончарной мастерской, где они с Эли обычно встречались на переменках, чтобы обменяться сплетнями, ей показалось, что она слышит возглас подруги: «Эй, подожди меня!» Она прижала руку ко лбу, проверяя, нет ли у нее температуры.

– Какой у тебя первый урок? – спросил Ноэль, по-прежнему шагая в ногу с ней.

Она с удивлением посмотрела на него, потом заглянула в свое расписание.

– Английский.

– У меня тоже. Мистер Фитц?

– Да, – пробормотала она. – Как он, ничего?

– Не знаю. Он новенький. Хотя я слышал, что он был стипендиатом программы Фулбрайта[33 - Программа образовательных грантов, основанная в 1946 году сенатором США Джеймсом Уильямом Фулбрайтом и финансируемая госдепартаментом с целью укрепления культурно-академических связей между гражданами США и других стран.].

Ария подозрительно прищурилась. С каких это пор Ноэль Кан интересуется послужным списком преподавателей? Она повернула за угол и увидела девушку, стоявшую в дверях кабинета английского. Было в ее облике что-то неуловимо знакомое, хотя Ария была уверена, что видит ее впервые. С точеной модельной фигурой, длинными рыжевато-коричневыми волосами, она эффектно смотрелась в укороченной синей «шотландке» роузвудской школьной формы и фиолетовых туфлях на платформе. На руке у нее посверкивал браслет с шармом от «Тиффани».

Ария почувствовала, как сильно забилось сердце. Она очень нервничала из-за предстоящей встречи со своими давними подругами, и вот сейчас перед ней была Ханна. Что же с тобой стало, Ханна?

– Привет, – тихо произнесла Ария.

Ханна повернулась и оглядела Арию с головы до ног, оценивая длинную лохматую стрижку, белую форменную рубашку, широкие бакелитовые браслеты[34 - Винтажные браслеты из бакелита – синтетической смолы.], коричневые потертые сапоги на шнуровке. Поначалу ее лицо оставалось бесстрастным, но вот она улыбнулась.

– Бог мой! – воскликнула Ханна. По крайней мере, это был все тот же звонкий голос Ханны. – Ну, как там в этой… где ты была? В Чехословакии?

– Хм, да, – ответила Ария. – Почти рядом.

– Круто! – Ханна натянуто улыбнулась.

– Кирстен как будто только что слезла с «Саут-Бич»[35 - Диета Саут-Бич (другое название «диета Южного пляжа») – низкоуглеводная диета, разработанная кардиологом Артуром Агатстоном и диетологом Мари Алмон в качестве альтернативы низкожировым диетам.], – перебила их девушка, стоявшая рядом с Ханной. Ария повернула голову, вглядываясь в нее. Мона Вондервол? В последний раз, когда Ария видела ее, Мона с миллионом косичек на голове рассекала, как сорванец, на скутере «Рейзор». Сейчас она выглядела даже более гламурной, чем Ханна.

– Похоже на то, – согласилась Ханна. Она повернулась к Арии и Ноэлю – он все еще стоял рядом, – и виновато пожала плечами. – Извините, ребята, мы пойдем.

Ария зашла в класс и плюхнулась за первую попавшуюся парту. Она опустила голову, стараясь восстановить сбившееся от волнения дыхание.

– Ад – это другие, – пробормотала она. Эта цитата французского философа Жана-Поля Сартра, ее любимая, была идеальной мантрой для Роузвуда.

Какое-то время она сидела, раскачиваясь взад-вперед, и со стороны это выглядело довольно странно. Единственное, что помогло ей успокоиться, это воспоминания об Эзре – парне, с которым она познакомилась в баре «Снукерс». Когда они вместе оказались в туалете, он взял ее лицо в свои ладони и поцеловал. Их рты будто были созданы друг для друга – они даже ни разу не стукнулись зубами. Его руки опустились ей на спину, потом легли на живот, на бедра. Они словно соединились в одно целое. Да, хорошо, кто-то скажет, что соединились только их языки в поцелуе… но Ария знала, что это было нечто большее.

Она так перевозбудилась, вспоминая об этом прошлой ночью, что сочинила хайку[36 - Жанр традиционной японской лирической поэзии, известный с XIV века.] про Эзру, излив в нем свои чувства – хайку было ее любимой стихотворной формой. Довольная результатом, она занесла его в память телефона и отослала эсэмэской на номер, который дал ей Эзра.

Страдальческий стон вырвался у нее из груди, и Ария огляделась по сторонам. В классной комнате пахло книгами и моющим средством «Моп энд Гло». Высокие четырехкамерные окна выходили на южную лужайку, за которой вырисовывались зеленые холмы. Кое-где деревья уже отливали осенней медью и золотом. Рядом с доской висел плакат с цитатами из Шекспира, а сбоку кто-то прикрепил к стене стикер «ОТ ПОДЛЕЦОВ ТОШНИТ». Похоже, сторож пытался соскрести наклейку, но сдался на полпути.

Может, это перебор – посылать Эзре эсэмэску в половине третьего ночи? Она до сих пор не получила от него ответа. Ария нащупала в сумке телефон и вытащила его. На дисплее светилась надпись: НОВОЕ СООБЩЕНИЕ. В животе что-то ухнуло, закрутилось в вихре облегчения, волнения и предвкушения. Но как только она кликнула «ЧИТАТЬ», ее отвлек голос.

– Прошу прощения. М-м, в школе запрещено пользоваться сотовыми телефонами.

Ария накрыла телефон руками и подняла голову. Тот, кому принадлежал голос – видимо, новый учитель, догадалась она, – стоял спиной к классу и что-то писал на доске. Пока он успел вывести лишь свое имя: мистер Фитц. В руке у него была памятка, отпечатанная на фирменном бланке школы. Со спины он выглядел молодым. Некоторые девчонки уже окидывали его оценивающими взглядами, занимая свои места. Ныне знаменитая Ханна даже присвистнула.

– Я здесь человек новый, – продолжал он, дописывая под своим именем: «Английский язык и литература», – но эту бумагу мне передали в администрации. Тут как раз про запрет на мобильники. – И тут он повернулся. Памятка выпорхнула из его руки и упала на линолеум.

У Арии тотчас пересохло во рту. За учительским столом стоял не кто иной, как Эзра из бара. Эзра, получатель ее хайку. Ее Эзра, долговязый и божественно красивый в фирменном пиджаке роузвудской школы и при галстуке, с аккуратно уложенными волосами, с правильно застегнутыми пуговицами, с кожаным планшетом под мышкой. Это он только что выводил на доске мелом… мистер Фитц, углубленный курс английского языка.

Он в изумлении смотрел на нее, и кровь отливала от его лица.

– Черт!

Весь класс обернулся, чтобы посмотреть, на кого это таращится препод. Ария не хотела встречаться с устремленными на нее взглядами, поэтому уткнулась в телефон и стала читать полученное сообщение.

Ария: Сюрприз! Интересно, что скажет на это твоя Хрюша… – Э.

Это еще что за хрень?

6. Эмили тоже француженка!

Уже прозвенел звонок, последний в этот первый день учебного года, и Эмили стояла перед своим шкафчиком в раздевалке. На зеленой металлической дверце сохранились ее прошлогодние наклейки. Федерация плавания США. Лив Тайлер в роли Арвен, эльфийской принцессы. Магнитик с надписью «СТУДЕНТКИ ВЫБИРАЮТ БАТТЕРФЛЯЙ». Ее парень, Бен, маячил рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дорогостоящая частная школа по подготовке абитуриентов к поступлению в колледж, особенно престижный. – Здесь и далее, если не оговорено иное, прим. переводчика.

2

Шон Кори Картер (1969 г. р.), более известный как JAY Z (Джей-Зи) – американский рэпер, 13 его альбомов отметились на вершине Billboard 200.

3

Бутылка-фляга из высокопрочного пластика с широким горлышком.

4

Йо-йо – игрушка, состоящая из двух одинаковых по размеру и весу дисков, скрепленных между собой осью, на которую веревка надевается петелькой.

5

Частный дом огромных размеров, который выглядит вызывающе на фоне соседних домов (от англ. McDonalds).

6

Прощайте (фр.)

7

Однобортное пальто прямого силуэта длиной три четверти из плотной шерстяной ткани с капюшоном. Эта модель классического пальто с капюшоном выпускается с 1890 года.

8

Система общественного транспорта в Филадельфии, включает автобусный транспорт, метро, пригородные поезда и трамваи.

9

Организация, помогающая иммигрантам или переселенцам устроиться на новом месте; сотрудники организации рассказывают новоприбывшим о районе, вручают подарки, образцы товаров, продающихся в местных магазинах.

10

«Лей-зи-бой» – товарный знак раскладного кресла производства одноименной компании (La-Z-Boy Inc.), г. Монро, шт. Мичиган. Первое кресло такого типа появилось в 1928 году.

11

Гордитас, или гордита, – пирожок из кукурузной муки с начинкой из сыра, мяса или другими начинками. Мексиканцы употребляют гордитас на обед с различными соусами.

12

Матханги «Майа» Арулпрагасам (1975 г. р.), более известная как M.I.A., – британская певица и автор песен тамильского происхождения, которая также продюсирует записи других исполнителей, снимает видеоклипы и выступает в роли художника и дизайнера.

13

Американская хип-хоп группа из Лос-Анджелеса.

14

«Doom» (англ. «Doom» – «рок», «гибель», «участь», «судьба»; название не переводилось при прокате в России) – экранизация игры Doom от компании id Software.

15

Coolata (англ.) – вид кофе, который продают в «Данкин Донатс».

16

Культовый парижский элегантный бренд APC – «Atelier de Production et de Creation» (творение и производство одежды); основан в 1951 году дизайнером Жаном Туиту в сотрудничестве с дизайнером Лондонской недели моды Джессикой Огден.

17

Канадская национальная игра индейского происхождения, распространенная и на востоке США. В игре участвуют две команды: игроки при помощи палки с сетью на конце должны поймать тяжелый резиновый мяч и забросить его в ворота соперника.

18

Вид светлого пива.

19

1 американская жидкая пинта = 0,473 литра.

20

Имеется в виду одногодичная программа обучения для иностранных студентов младших курсов университетов.

21

Герой романа В. Набокова «Лолита».

22

Очень модный и популярный браслет среди фанатов велосипеда. Лэнс Армстронг (1971) – легендарный американский профессиональный велогонщик.

23

Направление спортивной тренировки, которое сочетает в себе элементы пилатеса и йоги.

24

Знаменитое кольцо для помолвки от «Тиффани» с бриллиантом уникальной огранки «Люцида», названным в честь самой яркой звезды.

25

Уортонская школа бизнеса при Пенсильванском университете – американская бизнес-школа. Основана в 1881 году бизнесменом-меценатом Дж. Уортоном.

26

«Лига плюща» – ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США. Название происходит от побегов плюща, обвивающих старые здания в этих университетах.

27

Порода собак, созданная путем скрещивания лабрадора-ретривера и пуделя.

28

Wren (англ.) – крапивник, мелкая птица, обитающая в Америке, Евразии и Северной Африке.

29

Козлов держат на конюшнях для отпугивания ласок. Кроме того, козлы являются прекрасными компаньонами для лошадей.

30

Реконструированная набережная в Филадельфии. Получила название по имени Уильяма Пенна, основателя Филадельфии и колонии, ныне штата, носящего его имя (Пенсильвания).

31

Ситизенс Банк Парк – стадион в Филадельфии. Является домашним стадионом клуба Главной лиги бейсбола «Филадельфия Филлис».

32

Торжественная увертюра «1812 год» – оркестровое произведение П. И. Чайковского в память о победе России в Отечественной войне 1812 года. Пользуется популярностью в мире из-за эффектного звучания и важности событий 1812 года для Европы и Америки.

33

Программа образовательных грантов, основанная в 1946 году сенатором США Джеймсом Уильямом Фулбрайтом и финансируемая госдепартаментом с целью укрепления культурно-академических связей между гражданами США и других стран.

34

Винтажные браслеты из бакелита – синтетической смолы.

35

Диета Саут-Бич (другое название «диета Южного пляжа») – низкоуглеводная диета, разработанная кардиологом Артуром Агатстоном и диетологом Мари Алмон в качестве альтернативы низкожировым диетам.

36

Жанр традиционной японской лирической поэзии, известный с XIV века.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sara-shepard/milye-obmanschicy-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить